

Космос
1
ЯНВАРЬ
1971

Л1-6

Костёр
1

ЯНВАРЬ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ

ДВА НОВОГОДНИХ ИНТЕРВЬЮ

Анатолий Семенович Алимпиев,

*лауреат Государственной премии СССР, слесарь-сборщик
станкостроительного объединения имени Я. М. Свердлова*

— Какие обязательства принял ваш коллектив в честь XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза?

— Когда цех, в котором я работаю, принимал предсъездовские обязательства, я был далеко от своих товарищей, в Париже. Каждый день я выходил из гостиницы „Терминус“ (она находится на улице Вожирар, где, как говорят французы, прогуливался некогда сам д'Артаньян), и отправлялся на завод, помогать устанавливать два координатно-расточных станка нашей, советской марки.

Если вы не слышали о координатно-расточных, поясню: деталь весом в две тонны „стол“ этого станка может переместить на любую заданную величину с точностью в одну сотую долю сантиметра.

Дать больше этих станков, стремиться к тому, чтобы они надежно работали, — вот главный пункт наших обязательств.

Сейчас вместе со своими товарищами готовлю очередной такой станок, на этот раз для Японии. А рядом идет сборка совершенно нового, с полным программированием всех операций, уже не станка даже, а „обрабатывающего центра“. До конца года мы дали слово выпустить два „обрабатывающих центра“, а раз обещали, значит, сделаем.

— Как учение помогает вам в труде?

— Помню, один случай произошел в Италии (я там тоже устанавливал наши станки). Решила итальянская фирма „столкнуть“ наш станок со станком знаменитой швейцарской фирмы СИП. Дали мне и рабочему из Швейцарии одинаковую задачу: в двух чугунных плитах, отдельно в каждой из них, просверлить по краям и в середине девять отверстий. Затем наложить одну плиту на другую и, совместив отверстия, прошить их плотно входящими стержнями. Я работал на своем станке, швейцарец — на своем. Когда работа была закончена, стали контролеры проверять размеры и качество деталей. Я очень волновался, когда мне сказали, что наш станок допустил ошибку. Не может быть, сказал я. И предложил: дайте мне самому проверить швейцарский станок и детали, и доказал математически, что ошибся не наш станок, а швейцарский. На целых 70 микрон! После этого меня в шутку стали называть „синьор Профессор“.

Ясно, к чему я это рассказал?

— Что бы вы пожелали читателям нашего журнала?

— Мальчишкам и девчонкам, которые читают „Костёр“, хочется многое пожелать: и бодрости, и крепкого здоровья, и ус-

Из серии литографий „Комсомольские“

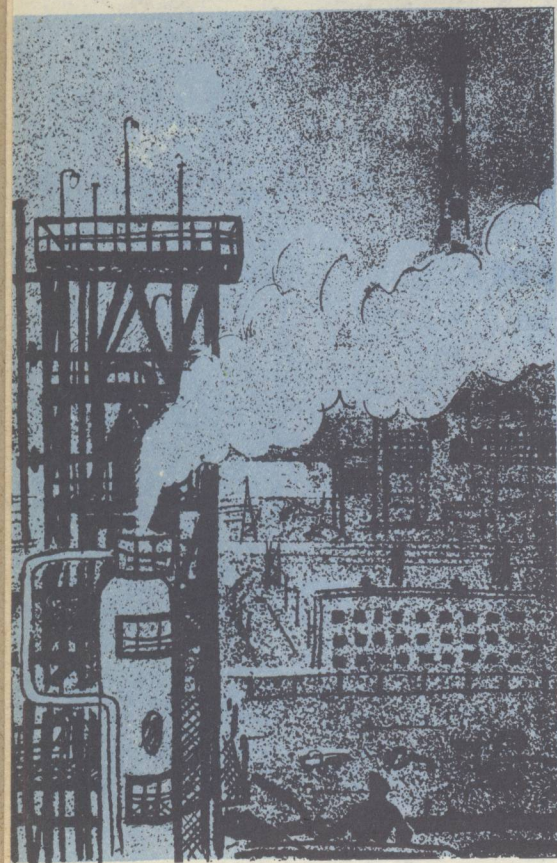

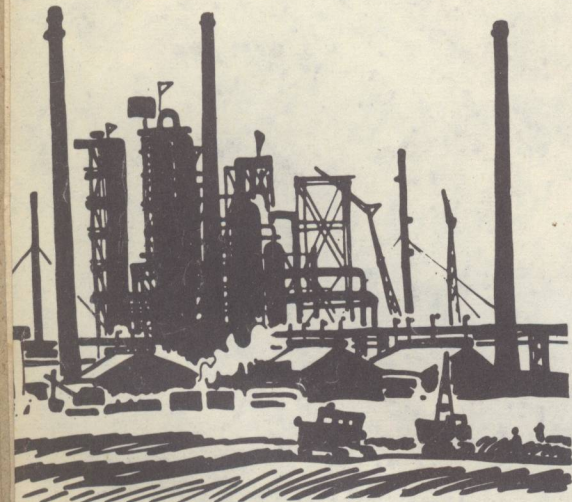
ойки" художника В. Ветрогонского

КИРИШСКИЕ ЗВЕЗДЫ

НА БЕРЕГАХ ВОЛХОВА

КИРИШСКИЙ
НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ
ЗАВОД

пехов в учебе. И еще: хочу через несколько лет встретиться с нынешними читателями „Костра“ в нашем цехе.

Алексей Сергеевич Мальчевский,
профессор, декан биолого-почвенного факультета
Ленинградского ордена Ленина Государственного
университета имени А. А. Жданова

— Ваши обязательства к съезду?

— Охрана природы — в самом широком смысле — стала сейчас общегосударственной проблемой номер один. И естественно, что мы, биологи, по мере своих сил участвуем в этом важном деле.

Среди разрабатываемых нами тем много и сугубо практических; например, найден новый вид одноклеточных водорослей — они еще лучше, чем знаменитая хлорелла, помогут нашим космонавтам жить в безвоздушном пространстве. Выведен новый сорт тетраплоидной ржи, которая не ложится на землю при дождях и ветрах. И так далее.

— Какова, на ваш взгляд, роль труда в научных исследованиях?

— Птиц насчитывается на земном шаре 8500 видов, и далеко не про всех мы что-то знаем. Разве, например, не интересно выяснить, как это птицы понимают друг друга? Возьмите аиста, у него и голоса нет, стучит себе клювом — но совершенно различно в различных ситуациях. С каким, однако, трудом все это узнается!

Лежу с магнитофоном под кустом в весеннем лесу, на холодной, еще не оттаявшей земле, ноги затекли, весь замерз, но пошевелиться нельзя: наконец-то на ветку сел зяблик и сейчас я получу от него „автограф“! Вот, запел! И вдруг — прямо перед микрофоном — комар: дззз... Все! Запись погибла, на пленке — сплошное гудение. Начинай все сначала — и поиски, и ожидание.

Научные фильмы „Гнездовая жизнь птиц“ и „Поведение глухаря на току“, в создании которых я принимал участие, с успехом показывались на многих всесоюзных и международных конгрессах биологов, охотоведов. Человек хочет знать, что и кто его окружает. Но это знание приходит только после длительного труда специалистов, „черного“ и неблагодарного порою труда.

— Ваши пожелания ребятам?

— У подростков, по-моему, есть два главных недостатка — излишняя самоуверенность, этакое всезнайство, или неверие в свои силы.

В первом случае вы сразу закрываете себе дорогу к знаниям, так как наука обязывает человека до самого конца жизни узнавать новое и всему удивляться. А сколько есть таких ребят, кто толком ничего не знает, что-то видел по телевизору и ему, видите ли, уже все известно и поэтому неинтересно.

Во втором случае, когда подросток не верит в свои силы, — тоже путь к знаниям закрыт. А ведь при определенном упорстве возможности любого человека колоссальны.

Вот вам и два моих пожелания: не зазнавайтесь и не падайте духом!

ЛЕНЬКА-САДОВНИК

ПОВЕСТЬ

Алексей Леонов

Рисунки Т. Капустинной

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

И. Бунин «Вечер»

1

Вечер был тихий, такой тихий, что Ленке стало жутко в не достроенном еще шалаше и стало казаться, что в канавах сада, за деревьями, в кустах и яблонях кто-то таится и вот-вот выскочит и набросится на него.

Ленька жался в угол, смотрел на вход, старался не бояться, но страх не отступал. Ше-

вельнется подсохшая листва на верху шалаша, пискнет в кустах птица — Ленка хватается за топор, ждет чьего-то появления. Никто не подходит.

Мать говорила ему, что караулить по ночам сад еще рано, на яблонях зеленая завязь — она и днем-то никому не нужна, а ночью за

ней вовсе никто не пойдёт. Ленька и сам об этом знал, но ему захотелось переночевать в шалаше, хотя и не покрытом до верха, с просветом в небо.

Леньку поставили сторожить сад с весны. Сажал он как-то вечером у своей избы деревья — принес из леса березок, осинок, дубков — задумал вырастить рощу под окнами. К нему подошел колхозный председатель, Василий Власович, побеседовал, спросил потом:

— А ты садовником стать не хочешь, если я тебя поставлю в колхозный сад?

— Не знаю, — ответил Ленька. — Если мать велит...

— При чем тут мать? Ты сам решаешь — не маленький.

Ленька и сам считал себя не маленьким, ему шел четырнадцатый год; он в доме был за хозяина, как отец ушел на войну, работал наравне со всеми в колхозе.

— Завтра же выходи с ножовкой и опиливай сухие суки на яблонях, — сказал председатель.

— Ладно, — согласился Ленька, втайне радуясь, что будет садовником.

Рядом с садом был семенной участок гороха и высажены капуста и огурцы, все это отдали Леньке под охрану. Дел у него с первого выхода в сад было много. Три года сад находился без присмотра. В кронах яблонь оказались сухие сучья, от корней поднимались дикие побеги. С утра и до заката солнца он лазил по яблоням и опибливал сучья, потом строил шалаш. Теперь надо было сторожить все от набегов ребят, от скотины...

Еще недолго был вечер, не дошло время до полуночи. Ленька собрал свой инструмент, выскочил из шалаша и по травянистой дороге понесся к деревне. Леньке казалось, что его кто-то настигает, несется за ним по придорожным кустам. Не переводя дух, не оглядываясь, он добежал до первой избы, перешел на шаг, чтобы вдруг не увидели его испуга.

В избе жила солдатка Прасковья Прокошина, с дочерью и со свекровью. Они ужинали при свете лампы. Ленька остановился напротив окна, посмотрел через окно в избу. Все спешили есть. Он подумал, что они боятся много пожечь керосина — торопятся с ужином — и ему стало смешно от этого, и страх, выгнавший его из сада, совсем исчез.

Ленька пошел через выгон к плотине пруда.

У пруда от воды было прохладнее. Под корнями ракушек бились караси. Леньке захотелось вынуть кубарь, посмотреть, есть ли в нем рыба, но донеслись с околицы ребячья голоса, и он оставил кубарь до утра.

В доме Ленька никому не показался. Спрятал на погребке инструмент и подался навстречу ребятам.

Он стал с ними пересвистываться издали. У двух изб его обругали, что будоражит безо времени, отдыха не дает людям. А Ленька не мог идти тихо. Он чувствовал в себе силу и смелость.

Ребята шли как большие, занимая всю дорожку. Ленька остановился, подождал. Их было четверо. Первым подошел к нему Васька Федосин, заговорил:

— В саду не остался?

— Пришел на время. Опять пойду, — ответил Ленька.

— Не страшно одному?

— Нисколько. В шалаше сидишь, как в избе. Можно и горнушку зажечь — при огне еще веселее будет.

Ленька отвечал с неожиданной для самого себя уверенностью, словно он и вправду не испытывал в саду ни малейшего страха.

— Каждую ночь теперь будешь караулить? — спросил Шурка Белый.

— А как же. Не караулить нельзя. Коробочные все оборвут.

— А если их много придет? — спросил Васька.

— Вас позову. А председатель обещал ружье дать или обрез, — сказал Ленька.

Он врал и следил за ребятами, как отнесутся они к его словам. Васька подступил к нему, спросил:

— Правда?

— Ей-богу!

Васька обнял Леньку за плечо, сказал ребятам подождать, не ходить за ними, отвел его по дороге вперед, заговорил:

— Знаешь что, я хотел тебе сказать, что мы будем к тебе приходить, а то скучно. Картошку печь будем. Договорились?

— Пойдем сейчас, — сказал Ленька. — Чего тут делать?

Все согласились идти в сад, радостно заговорили, стали предлагать Леньке свои услуги. Шурка Белый обещал взять из дома красноармейский котелок, принести в шалаш — в нем хорошо будет варить суп; Иван Нефедов предложил Леньке на время маленький топорик, немецкий, — он, об этом все знали, нашел его у конюшни, где при наступлении немцев стояла их походная кухня.

2

Ребята вышли к запруде, стали во тьме рассматривать молодые ракушки. В половодье прорвало плотину, а когда спала вода, они завалили промоину, и каждый здесь посадил по ракушке. Теперь они спорили, чья лучше приглянется.

В корнях ракич плеснула рыба. Ленька вспомнил о своем кубаре и решил посмотреть его.

— Давай я достану, — вызвался Шурка.

Ленька согласился — вода в пруду вечером теплая, но лезть в нее неохота и боязно, — показал место, где заброшен был кубарь.

Шурка снял самошивные тапки, сбросил на траву штаны и сошел в воду. Он шарил по илистому дну перед собой и по сторонам ногами, уходил от берега и выше подбирал рубаху. Ленька командовал: «Бери к плотине. К хвосточку иди». Кубарь не находился. Федька Мирошкин стал поспешно раздеваться, но Шурка вдруг крикнул:

— Попался! Достаяю!

Он скособочился, захватил кубарь за обруч и поволок его к берегу. Ребята спустились к воде, приготовились принимать кубарь. Вокруг было тихо, лишь от Шуркиных ног слегка плескалась вода.

— Пустой, — сказал Ленька, вздохнув. — Рано вынули.

— Она утром заходит, — сказал Васька. — Тащи назад.

Шурка остановился, выпустил из руки подол рубахи и, нагнувшись, поднял кубарь над водой. С кубаря потекла вода — и вдруг раздался сильный шум, словно на пруд опустился ливень.

— Есть, есть! — закричали ребята с берега.

— Вот это да! Полный!

Шурка передал им кубарь, сказал:

— Я знал, что попало. В воде слышно было, как билась о стенки.

Он стал одеваться. Был горд, словно сам, своими руками наловил столько рыбы. Ребята наполнили рыбой пилотки — отобрали только крупных карасей, мелочь побросали в пруд — и снова, забросив в воду кубарь, направились через плотину к саду.

Разговаривали о карасях. Если бы в сорок втором не сорвало плотину, рыбы было бы теперь еще больше. Сколько унесло с половодьем ее, самую крупную... За плотиной спохватились, что нет сковородки, на чем жарить рыбу, нет соли. Сговорились, кому что нести — разбежались, лишь Ленька остался на выго-не. Он посмотрел на деревню. Огней было мало. Во многих избах уже полегли спать. Теперь трудно было добывать керосин, но и до войны в летнюю пору спать ложились рано.

Ленька вспомнил отца... Он поднимался с рассветом — и когда просыпался Ленька, в сенях уже лежал ворох стружек, а на телеге, с вечера оставшейся под окном разбросанной, уже сделана обвязка, положены грядки, дуги и набросаны доски. Уставал отец плотничать — садился перетягивать хомуты, а под вечер вил веревочные вожжи, вязал обрати и

путы для лошадей, и, кроме всего, он успевал накормить скотину.

Мать топила печку, кормила всех в завтрак, потом доминала коноплю — и от снопов, высушенных за ночь в печи, оставалась к обеду лишь костра и пенька; в обед мать снова кормила всех, потом ходила на стоговища дергать из-под снега сено, хорошее — ягнятам и теленку, плохое — корове. Находились у нее и другие дела: то птицу кормить, то штопка, то в погреб надо было — всё дела, с утра раннего и до вечера.

Зимой Ленька с утра обивал с крыши со-сульки, присматривал за скворцами. Потом он уходил к сараям, где кипела работа будущих пахарей. Брат сразу задавал ему дело, и он помогал брату изо всех сил...

Не успел Ленька перебраться в памяти, чем занималась сестра Полинка, она была маленькой, но и у нее были свои занятия, — подошел запыхавшийся Васька и сказал, что мать отобрала сковородку. Он взял ее тайком: просить — мать не дала бы, сковорода была одна лишь в доме; Нинка заметила, что он тащит, и сказала матери. Пока Васька объяснял Леньке свою неудачу, подбежал Шурка, принес в горсти щепоть соли — не нашел больше, а в солонке было лишь столько. Федька пришел тоже ни с чем.

— Пойдите тут, — сказал Ленька. — Я скоро вернусь.

Он перебежал плотину, поднялся вверх по тропинке к избам и постучал к тетке. Он слышал, в избе что-то стукнуло, но, казалось, долго никто не выходил, наконец скрипнула дверь избы, звякнула задвижка на сенной двери.

Тетка приотворила дверь, спросила:

— Ленька? Ты что? Заходи.

Тетка Варя была из младших сестер Ленькиной матери. Восемью лет она осталась сиротой и до замужества жила в их доме. Ей пришлось нянчить Леньку с братом, и они ее звали не теткой, а няней.

— Нянь, сковородку мне можно взять? — спросил Ленька. — Я в саду ночью — рыбу пожарить.

— Возьми, — ответила тетка. — Как ты там, не боишься один-то?

— А чего бояться? Костер горит...

— Все яблонки-то опилил?

— Все.

— Сушняк-то много не жги — завтра вязаночки две дашь мне.

— Хоть весь бери. С матерью приходите...

Они вошли в избу. Тетка зажгла лампу, подала Леньке сковороду, спросила:

— Из кубаря рыбу-то достал? А то и мой там стоит.

— Я из своего, — ответил Ленька. — Нянь!

— Ай. Еще что нужно?

— Сольцы бы.

— А много рыбы-то у тебя?

— Три пилотки, — ответил Ленька.

— Надо же! — удивилась тетка. — Схожу пораньше и за своим, а то какой дьявол выгребет.

За разговорами она насыпала Леньке полстакана соли в тряпочку и, завязав, наказала:

— А ты — останетса — не бросай. В шалашике себе уголок отгороди и держи там запасы. Дедушка твой сад караулил — у него в шалаше как дома все было.

— Ладно, — ответил Ленька и ушел.

Ленька больше всех теток любил тетку Варю. Он мог в любое время зайти к ней в дом, как к себе, мог поесть, если никого не было дома, мог остаться ночевать. Тетка любила Леньку и ни в чем ему не отказывала.

Ребята встретили Леньку радостно. Теперь у них все было, и, забрав пилотки с затихшими карасями, они двинулись к саду.

В избе Прокошиных окна были темные, без света. Вокруг было тихо. Но лишь прошли они избу, как за сливами что-то шумнуло, как будто свалилось что-то с крыши, хрустнуло сухими ветками. Ребята разом остановились.

— Что это? — полушепотом спросил Федька.

Они всматривались, слушали, но ничего не могли увидеть и расслышать. Вдруг кто-то протопал по сухому навозу, зашумел бурьян.

Ребята, словно по сговору, молча двинулись дальше, спешили. Не раз им приходилось ходить по ночным дорогам, но этот загадочный шум испугал всех. И каждый из них подумал, что, может быть, это какой-нибудь бандит или дезертир. Почти год, как прогнали немцев с Зуши, а весной как будто обнаружили в землянке за Кириками четырех немцев, в лесу скрывались. Девки сеяли коноплю — немцы засмотрелись на них и попались.

Ночь уже стала светлеть. Темная стена деревьев поднималась впереди, просматривалась на фоне неба. Они подходили к саду. Шурка вдруг расставил руки, остановился, ребята столкнулись. От сада что-то темное надвигалось на них... Ребят словно ветром снесло с дороги. Они бросились бежать через подсолнухи и опомнились лишь на выгоне.

— Что это? — шепотом спросил Васька у Леньки.

— Не знаю. Наверно, кто-нибудь поугагать пришел.

— Ребята, наверно, — сказал Шурка.

— Они не знали, что я буду ночевать, — ответил Ленька.

— Знали, — возразил Федька. — Поинка рассказала.

— Тогда через луг пойдем, — решил Ленька.

Они осмелели и пошли новой дорогой, переговаривались шепотом и каждый беспрестанно вслушивался в окружье, — и пугались взлета птицы, пугались, когда кто-то оступался...

3

Спать в шалаше ночью было холодно. Ребята жались друг к другу; те, кто лежал в середине, спихивали крайних с сена. Временами крайний перебирался в серединку, согревался и снова засыпал, и опять вдруг оказывался на краю постели. Ленька два раза выходил из шалаша. В саду хозяйничали соловьи. Рассветным туманом застилало луга, а на молодой траве лежала холодная светлая роса. Угли в костре перетлели, испепелились на золу, но, казалось, от золы еще шло тепло... Несколькo раз снилась Леньке за ночь война. Сны начинались так: всех ребят увозили на фронт, каждый раз по одной дороге, по той, по которой они ходили в школу, везли на телегах. Поднимался обоз из лощины на бугор, светлело впереди и раздавался свист пулеметных пуль... Ленька стал рваться дальше, и тогда его разбудили.

— Ребятки, а ребятушки, проспали сад-то вы.

Голос был ласковый и знакомый. Ленька открыл глаза и увидел у шалаша мать, няню Варю, свою сестру и двоюродных Шуру с Тамаркой. Он в испуге вскочил на ноги. Перед шалашом все было залито солнцем, травы обсохли и нагрелись, и пели все птицы.

— Сторож, дровец-то связать можно? — спросила у Леньки мать.

— Каких дровец? — спросил Ленька.

— С яблонок, опилил какие.

— А-а, — протянул Ленька. — Берите... А завтрак был?

— Готовится завтрак, — ответила мать. — Пойдем с нами — позавтракаешь. Ребят буди. На работу скоро.

Ребята сами завозились, стали подниматься и выходить на солнце греться. Ленька ушел со своими в глубь сада, чтобы помочь собрать дрова.

В саду было чисто. Окопать яблони с весны не смогли, лопатами копали и колхозные и свои огороды, но то, что у корней не росли дикие побеги, а в кронах не было ни одного сухого сучка, придавало саду тот вид, какой был и в довоенное время. И мать и няня Варя хвалили Леньку.

— За такое дело и председатель спасибо скажет, — говорила мать. — Тут и взрослому столько не сделать, а ему много ли...

— И не мало, не мало, — возразила тетка. — В четырнадцать-то лет и ты не бездельничала, красна ткала и за прялкой сидела.

— Меня что ж равнять с ними... А где ж дрова-то? — спросила вдруг мать, когда завиднелись последние яблони.

Все остановились.

— В горнушке, верно, сожгли, — сказала няня Варя. — Наказывала поменьше жечь...

— Нет, мы сюда и не ходили, — удивляясь,

— Просмотрел, племянничек? — спросила тетка и рассмеялась: — Вот так сторожа! Четверо сторожили и не усторожили. И яблоки у вас все разворуют.

— Не разворуют, — обиделся Ленька. — Дрова Прокошины перетаскали. Пойду и отниму...

— Как же, отнять теперь, — сказала мать. — И не думай. Скандалу на всю жизнь хватит потом.

— Черт с ними и с дровами, — поддержала сестру няня Варя, — когда-нибудь нахватаются. Завтракать пойдемте.

ответил Ленька. — Я подойду погляжу... Много сучьев было.

— Что глядеть — нет ничего, — сказала тетка. — Ну, ладно, по саду прошлись — и то дело.

Ленька сбегал под яблони. Лишь мелкие сучки остались в траве. От обиды на глаза навернулись слезы. Жалко было, что мать и няня Варя зря проходили — и сам-то он думал, когда царапался на яблонях, вырезая сушняк, что в вознаграждение за труд будет много хороших дров. Ему разом вспомнились ночные таинственные шумы, встречи, и он разгадал, куда пошли из сада дрова: Параша Прокошина с бабушкой переносили за ночь. И когда он бегал в деревню, и когда сидели они у костра, жарили рыбу, глухая свекровь с невесткой очищали сад.

Ленька, проходя мимо избы Прокошиных, не заметил нигде яблоневых суков.

— Что смотреть, — сказала няня Варя. — Хоть и увидишь — не возьмешь теперь. Пускай пользуются.

На Леньку уговоры не действовали. Он думал, кто мог взять дрова, кроме Параша с бабушкой. Мать не раз говорила, что они живут лишь колхозным садом: все пеньки посбивали, кусточки повырубили, и с яблонь зимой столько суков свежих слетело. Мать называла их хитрыми и жадными. Ленька и сам знал, что люди эти живут затаенно, обедают при закрытых дверях. Всем известно, что Василь Власыч Параше то мешок зерна, то полмешка доставит — и от нее уезжает навеселе.

— Они дрова взяли, знаю, — снова заявил Ленька.

— Ай, да будет тебе о дровах, — сказала тетка. — В лесу дров много, ходим.

— А чего так, — обиженно произнес он. — Председатель мне сказал брать за работу дрова...

4

Ужинать Ленька пришел поздно. Днем он доделывал шалаш, а под вечер к нему зашел дед Яша — ходил за прутьями на кошелки, присел отдохнуть: разговорился — и просидели до потемок. Рассказывал дед Яша, как раньше пахали землю. На барина работали. Не хотелось долго-то в поле торчать, пускаешь плуг помельче, а управляющий приедет, издали глянет на пашню — и кнутом через спину, да перепахать заставит, а потом вычет сделает, что лошадей зря проморил. За вычет еще от отца попадет, чтобы не баловал, раз нанялся работать... Рассказывал дед Яша о сенокосах, о молотбе уже в последние годы, перед войной. Тогда было много мужиков, а теперь в деревне оставалось три инвалида и четыре старика. На многих уже пришли похоронные, о иных не было с фронта никаких вестей.

Ленька помнил, как до войны мужики ходили на сенокос, рожь косили, овсы. Летом, когда стояла жаркая погода, ребятам наказывали приносить в поле холодную воду.

Слушая деда Яшу, Ленька вспомнил, как однажды он нес два кувшина воды (воду зачерпнул из Белого колодца со дна, холодную), шел долго по дороге на Спешнево; справа от дороги стеной стояла рожь, слева — стлалось просо. Перепела кричали в просе. Оводы, словно пули, пронеслись туда, откуда тянул ветер, где, видимо, было стадо или паслись лошади.

Ленька вдруг увидал косцов. Они отдыхали и, встав, распределялись по местам, делали новый заход. Он сошел с дороги и, скрывшись в высокой ржи, направился к ним, ничего не видя по сторонам. И только голубизна высокого июльского неба была опрокинута над ним. Легким ветерком раскачивало колосья. От нагретых досыхавших ржаных стеблей отдавало душным запахом соломы. Леньке казалось, что он плывет по бесконечным водам и ноги его ступают не на землю, а на гладь воды.

Он вышел на скошенное поле. Перед ним сразу открылись дали: леса и села синели на горизонте, разливались желтизной поля: у ног рядами стлалась рожь. Вправо уходили косцы, все в белых рубахах, казалось, они шли, не сгибаясь, возвышались над рожью, взмахивали косами и складывали рожь в ряды.

Ленька сосчитал мужиков. Считать он научился до тысячи еще до школы — от брата. Двадцать шесть мужиков. Он узнал своего отца, идущего средним, вышел на его ряд и двинулся следом. Ленька был босиком, низкое жнивье кололо ноги. Он попробовал идти по ржаному ряду, но ноги утопали до колен, пугалась рожь. Найдя широкое межрядье, он пошел по нему к косцам. Ему казалось, что они силятся раздвинуть рожь, войти в нее, как входил он, но рожь отступает от них и отступает...

Первый косец вдруг остановился и отошел в сторону, за ним последовал второй... и лишь последний остался на своем ряду. Все обернулись и пошли назад, к новому заходу. Вдруг кто-то сказал:

— Никитич, вода.

Отец раньше других подошел к Леньке, взял кувшины.

— Подходи, пей! — сказал он мужикам.

Мужики столпились перед Ленькой. Он смотрел снизу на их загорелые лица, на запыленные руки, сильными пальцами охватывавшие потные кувшины... Велики были перед ним мужики, но и он сам себе казался тоже большим и сильным. Он издали принес им воды.

— Ах, и молодец! — хвалили его. — Кувшины плачут: быстро шел, вода не согрелась. Будет из тебя мужик настоящий.

... Дед Яша вспоминал и этих мужиков, говорил Леньке об отце, вздыхал и ахал, что война не дала им пожить, они бы такую жизнь тут задали, а теперь...

К вечеру поднялся ветер, похолодало. Соловьи не запевали долго. Дед Яша спохватился, что засиделись они с Ленькой у шалаша, поднялся, тяжело положил на плечо связку прутьев — и пошли они к деревне.

Из дома Леньке не захотелось уходить в сад. Пугала вечерняя густая тьма. Слышно было, что уже собрались ребята с гармонью. Гармонистом был одинцовский парень, Сергей. В округе теперь эта гармонь была первой — и в Каменку шли вечерами из многих деревень, когда сюда приходил Сергей. Мать спрашивала, отчего Ленька долго не приходил из сада, а сестренка, словно взрослая, отчитывала его за опоздание:

— Сидит там чтой-то. Все давно наужинались, а нам керосин жечь.

— А тебе некогда? — спросил Ленька. — Гармошку услышала?

— Я ей задам гармошку, — вмешалась мать. — Мала еще за гармошкой бегать.

Сестра замолкла, покраснела — и от неловкости, и от испуга, что мать ее не пустит. В одиннадцать лет не повольничаешь. Ленька ее всегда спасал: он вечером на улицу — и она за ним. Теперь, как поставили его садовником, он переменялся, только и знает свой сад.

Девки запели на выгоне. Полинка совсем потеряла спокойствие. Он еще пил молоко, а она принялась убирать со стола.

— Сказала я Прокошиной о дровах-то, — глядя на Леньку, передала мать. — Так где там! «Что, — говорит, — захватили сад, думаете, и все в нем ваше, ногой туда теперь не ступи? Не выйдет по-вашему, хоть разорвитесь!»

— А ты не говорила бы, — сказал Ленька, отставляя пустую чашку. — Я сам им отомщу.

— Ну-ка, не смей! — прикрикнула мать. — Разве можно мстить за пустяк? И в голове не держи это!

Полинка боком пробиралась к двери. Ленька повернулся к ней.

— Вместе пойдем в сад. Не бегай на пляски.

— Иди в свой сад сам, — сказала мать. — Там что, обязательно нужно быть?

— Да, — ответил Ленька. — Шалаш завалят, а я потом опять строй.

— Кому он нужен? Туда сейчас палкой никого не загонишь.

— Воле на горох зайдут.

— Только что воле... Ну, ступай, дочка, с ним. Наплясаться успеешь — надоест еще.

— Да, это тебе надоест, — заныла сестра. — Ему трудодни пишут, не мне, он пускай и сторожит...

Мать ее уговаривала. Ленька надел фуфайку, шапку, захватил для сестры шаль и встал у порога...

5

Полинка шла за братом, всхлипывая, до плотины, отставала нарочно, потом поравнялась с ним, семенила рядом, боялась. Под плотиной был глубокий бурьянистый овраг, вода там лилась с разными звуками по порожистому ручью — слышалось словно бы чавканье, сосание, плеск — и всегда в ночи казалось, что большие и малые звери сошлись на ручей.

— Чего там, на улице! — заговорил Ленька примирительно. — Мы заработаем много трудодней, жить хорошо будем. Мать валенки тебе купит.

— Да, мне — она тебе купит, — возразила Полинка. — Опять скажет: ты постарше, работаешь.

— Я старые себе подошью, — утешил Ленька сестру. — И платье к школе новое купим.

— Не купите, — стояла на своем Полинка. — На облигации мать записалась...

— И я записался, — сказал Ленька. — В колхозе работаю — и записался. Ты не понимаешь ничего, а от этого война скорее кончится и отец с Мишкой вернутся домой...

Спор прекратился. Они поравнялись с прокошинской избой. Ленька насторожился. Он ожидал снова приключений, но все молчало вокруг, лишь ветер обдувал деревья и бурьян. Ленька прошептал, взяв сестру за руку:

— Ты не боишься?

— Нет. А ты? — тоже шепотом ответила Полинка.

— И я нет. Чего тут бояться. Немцев далеко прогнали, а волки человека сами боятся. Они зимой только могут напасть, когда у них свадьба бывает.

До шалаша шли они, шепчась. Потом осмелели, заговорили вполголоса. Ленька стал разводить костер. Он нарвал в канаве за шалашом сухой прошлогодней травы, но поджечь ее не смог, ветром задувало спички.

— Одна спичка осталась, — сказал он. — Ты плохо загораживала ветер.

— Это ты не умеешь зажигать, — ответила сестра. — Дай я!

— Поджигай, — согласился Ленька. — Только подожди, я тебя накрою фуфайками.

Полинка склонилась над костерком. Ленька укрыл ее, спросил, не дует ли.

— Не дует, — донесся глухой голос сестры.

— Поджигай! — дал Ленька команду и затаил дыхание. Подождет она или испортит последнюю спичку?

— Э-эй, открывай! — тревожно закричала Полинка, завозилась.

Ленька откинул фуфайки. Ветром дунуло на пламя и словно загасило. Но огонь лишь забился в дрова, зашумел в ветках.

— Зажгла, зажгла! — запрыгала у костра Полинка.

Мать дала им из дома по две картошки. И хотя они поздно поужинали, картошку решили спечь сразу.

Ветер шумел в деревьях, сбивал с поленьев пламя, но оно жаднее пожирало дрова. Ленька с сестрой сели у шалаша с подветренной стороны, смотрели на огонь. Из деревни доносились звуки гармони, то отчетливые, то обрывками, словно ветром их уносило в другую сторону. Полинка говорила:

— Барыню играют. Пляшут Верка с Шуркой Алексановой.

Гармонь всегда вызывала у Леньки грусть, и теперь он сидел задумчивый, вспоминал, как провожали отца на войну. Отец тогда сказал, чтобы слушался матери и старшего бра-

та, а Мишке наказывал быть за хозяина. Ленька и слушался и не слушался. Попробуй послушаться всегда. Ребята зовут играть, а дома заставляют работать: то за дровами в лес, то огороды копать, то полоть... Слушаться он стал, как сам заменил брата.

— Теперь Надя пляшет, — сказала Полинка и спросила: — Лёнь, а правда, ты на ней женишься?

— Что?! — удивился Ленька. — Нужна она мне.

— А правда, она твоя невеста?

— Так и невеста. Это отец посмеялся, вот и стали говорить все.

— Ну и что? — возразила Полинка. — Пускай смеются, а ты будь и будь ее женихом. — Полинка зашептала: — Она тебе платок расшила, показывала мне, честное слово!

— Нужен мне ее платок. Шурке Белому отдаст.

— Не отдаст...

Надька Коржкова, дочь нынешнего председателя, была в одногодках с Ленькой, вместе ходили в школу. Она и теперь училась, а Ленька бросил, стал работать в колхозе.

Когда он видел ее среди девчат, сравнивал с ними, то находил, что она лучше всех. Иногда хотелось увидеть ее, поговорить. Но при встречах они стеснялись друг друга, наедине и не заговаривали никогда ни о чем, и в кругу ребят избегали разговоров, лишь изредка встречались взглядами. Леньке мешало подружиться с Надей то, что их отцы жили во вражде друг к другу. Отец Леньки до войны работал пчеловодом, и в осеннее время, когда мед качали из рамок, он не давал меда тем, кто его не заработал, и Василию Власовичу тоже никогда не давал. На пасеке угостит, а с собой — нет. Если все понесут, то что из этого будет? Так весь колхоз можно растащить...

— Лёнь, — снова заговорила Полинка, — а у Мишки у нашего была невеста?

— Не было у него никакой невесты! — Ленька вышел из себя. — И что ты ко мне с ними привязалась? Невеста, невеста. За дровами сходи, вот тебе и будет невеста.

— Я не пойду за дровами. Ступай сам.

— Почему не пойдешь?

— Боюсь, Там темно. — Полинка натянула фуфайку на голову и замолкла, присиротела.

Ленька смело ушел от костра в темноту. Из деревни все так же отрывисто доносились звуки гармони и пенье частушек. Ему стало печально: все ребята там, а он один на отшибе, и страх охватил его. Он хотел вернуться к костру, взять Полинку и убежать с ней домой, но сдержался, заставил себя возвыситься над печалью и страхом...

А ночью Леньке снились блины. Как до войны было: он лежит на печке, в избе еще полутемно, лишь печное пламя освещает угол и стену да из дальнего окна пробивается слабый уличный свет. Не понять, зима ли на улице, весна ль. Но он решает, что уже и не зима, и не весна еще: зимы не должно быть, потому что не хочется, чтоб она была, а весны полной нет, потому что весной на печке он не спал бы. На ногах у Леньки лежат сестренкины ноги. Она еще спит, а он положил подушку на печное плечо, смотрит на мать и ждет, когда она вынет из печи сковороду с блинами и подаст ему горячий, пышный блин. Мать перед печью в ярком освещении, она очень красивая. Она все что-то делает, блинов нет и нет. Ленька хотел спросить, не подгорят ли блины, смотрит: а перед ним не мать — Надька Коржкова. За столом в потемках сидит ее отец и ест блины...

Ленька проснулся. Перво-наперво он оценил сон. Блинов не поел и сон счел плохим. Вторым, что пришло в сознание — утро. Солнце охватило вершины деревьев, ветра не было. Погода Леньку обрадовала. Ленька зевнул, решил еще поспать и вдруг спохватился — сестры не было рядом. Ложились вместе, как поели печеную картошку — он ей еще котлеты покрупнее дал, — ведь маленькая; рассказывал ей, как он ходил в Глогово за книжками, когда еще не учился. Дали ему «Мильтона и Бульку» и «Муму». Он в дороге все и прочел — и плакал от этих книжек, а больше и не стал ходить за ними, потому что в них написано все жалкое. На ногах у него лежала Полинкина фуфайка, а от шалаша по росистой траве уходил к дороге следок...

«Удрапала, — подумал Ленька. — Ну и пускай! Больше и не возьму никогда. Один буду ночевать...»

6

Шло лето. В яблоневой листве обозначилась завязь. Зацвел горох. Травы пахли пряно и душно — подступал сенокос. Ленька жил в саду, словно отшельник. Чаше и чаще в сад стали заглядывать маленькие: то девчонка выскочит из кустов — и к яблоне, за завязью, то мальчишки нагрянут, словно воробьи. Ленька свистнет в четыре пальца — и всех словно сдувает. Боялись его. А погонится когда за ворышками, добежит до канавы — и от смеха ни с места. Летят они по склону, только пятки сверкают над травой, и то один, то другой падают, в страхе вскакивают на ноги снова, бросают взгляд назад и еще быстрее несутся к деревне.

Обходит Ленька сад — в руках палка — тихо идет, смотрит на пчел, на шмелей, на бабочек. Интересная жизнь вокруг кипит. То оса на тропинке какое-то насекомое зажала, то муравей уносит в муравейник мертвого муравья. Ленька представляет себе, что где-то произошла муравейная война. Он делит муравьев на «наших» и «чужих». И как в настоящей войне, сперва одерживают победу «чужие», потом «наши» разбивают их и забирают множество трофеев...

Птиц мало поет; какие еще досиживают на гнездах, какие кормят птенцов. Уже слышится по кустам тонкий беспомощный писк. Ленька не ищет гнезда, чтобы не тревожить птиц. Вдруг откуда-то доносится запах меда...

За лугом в высокой пырейной траве лежат коровы. Поля еще не все распаханы, трав много — и скотину стеречь просто, она чаще лежит. Ленька видит, что к нему идет Васька Федоскин. Их очередь пастбы. Легким ветерком трогает листву на кустах, — и снова медовый запах. Ленька ведет взгляд по раkitам. Раkitы старые, уродливые. Их не раз опиливали, ломало ветрами, выгнили стволы, но стоят они, раздавшись в кронах, тень никогда не проясняется под их листвой. И видит Ленька под толстым суком мельканье мушек и словно черный мешок кто-то подвесил.

— Пчелы! Рой! — выкрикнул Ленька и через горох, потом по подсолнухам, не разбирая, пустился домой.

Рой огребала тетка. Ленька побоялся пчел и потом носил в себе стыд за эту трусость. Отец был пчеловодом, брат смело обращался с пчелами, а он побоялся, что они его искусают.

— Не будут они зря кусать, — говорила тетка, когда под вечер они вместе несли роенно с пчелами к дому. — А какая и укусит — на пользу, ревматизма не будет.

Пчел из роенни пересадили в улей. Ленька проверял их каждый вечер и по утрам, когда приходил на завтрак. И в саду у него теперь появилась новая работа: он стал делать рамки для ульев, а однажды днем пришла к нему мать и замолвила слово, что дед его в эту пору грабли делал, окосья готовил. На раkitках побеги выросли — в лес не надо идти, пили, строгай — все тебе тут. Себе сделаешь, а там, глядишь, другим понадобятся — заработок какой-никакой будет.

В тот же день Ленька обставил солнечную сторону шалаша раkitовыми побегими, но через некоторое время увидал, что все его заготовки пришли вдруг в негодность, растрескались вдоль до сердцевины. Он вспомнил отца, который заготовки сушил не на солнце, а в тени, постепенно. К сенокосу Ленька не сделал

ни одних граблей, все пожег. Несколько раз он сходил в лес, нарезал осинового молодняка и поставил на сушку с теневой стороны...

Незаметно наступила горячая сенокосная пора. Вернулся домой Ленькин двоюродный брат Володька. Он работал за мать в селе Головкино, где строили новую бензобазу на МТС. Остальные ребята косили с бабами на лугах сено, уставали и к Леньке не заглядывали, рано ложились спать. В первый же вечер Володька привел их в сад.

Володька пробыл в Головкино месяц. Показалось, что он вырос, а по разговору и вовсе стал иным. Ребята распалили костер и уехали, стали рассказывать о разных событиях. Подошли и маленькие — эти принесли по нескольку мелких молодых картошин. Один за одним они выкладывали на траву перед Ленькой приношение и отходили в сторону.

— Все выложили? — спросил Васька Федоскин.

— Все, — дружно ответили мальчишки.

— Теперь марш домой! — скомандовал он. — Вас сюда не звали.

Ребятишки погрустнели разом, стали отходить к дороге, пятясь задом и глядя на Леньку.

— Пускай остаются, — сказал Ленька. — Подходите сюда, садитесь.

И лишь ребята уехали, Володька скомандовал:

— А ну, всем встать! Дрова не носили, а сели. Чтобы все по охапке набрали!

Ребята словно этого и ждали — дружно бросились к канаве и скоро наволокли дров: одни принесли по две охапки, другие по три...

Володька отозвал Леньку за шалаш, рассказал один секрет. Он нашел в Головкино винтовочный ствол и привез его домой.

А у Леньки хранился затвор. Когда на Зуше остановился фронт и следом за отступившими немцами были подобраны по дорогам трофеи, их поначалу свалили в уцелевших каменных стенах амбара. Из оружия Ленька там ничего потом не нашел, видимо, оно хранилось в другом месте, и попался ему лишь затвор от винтовки.

— Ребята уйдут, приноси, — сказал Ленька.

— Ствол только вот забит, — сказал Володька. — Наверно, пуля там осталась. Надо стрельнуть, чтобы ее выбило.

— Чудак, разорвет — самого искалечит.

— А мы его привяжем, издали стрельнем...

Они вернулись к ребятам, и Ленька вынул из костра полуспекшуюся картошку, разделил на всех.

— Сырая, — сказал Федька. — Пускай по-
лежит еще.

— Молодую с сыринкой едят, — ответил
Ленька. — А то сгорит. Завтра вам опять ко-
сить?

— Косить, — со вздохом ответил Шурка. —
Мы от баб отделимся. Они как угорелые, за
ними не угонишься.

— Приходи к нам, поучим косить, — сказал
Васька.

— Я и без вас учен, — ответил Ленька. —
На шалаш накопил...

— И себе все канавы подчистил, — вставил
Федька.

В саду трава еще не была скошена, но во-
круг сада Ленька обкосил канавы, чтобы
мальчишки не могли подкрадываться незаме-
ченными.

Ребята нашли кусок жести, стали коптить
его над костром, снимали пальцами сажу и
наводили маленьким усы, мазали лица. Один
за другим малыши разбежались, а потом
ушли домой и остальные ребята: Володька на-
рочно первый засобирался спать и увел за
собой всех.

Ленька отправился в деревню следом за ре-
бятами. Было лунно; возле дома Володька
ждал его с винтовочным стволом. Они отошли
в сторону. Ленька осмотрел трофей, спросил:

— Керосин у вас есть?

— Я привез, — ответил Володька. — Сколь-
ко нужно?

— Банку налей — отмачивать будем. И на-
пильник надо взять. Если не пробьем, то от-
пилим, обрез будет.

Они снова вернулись в сад и стали очищать
от ржавчины винтовочный ствол. Пробить его
не удалось, стали отпиливать. Костер то раз-
горался, то пригасал. Луна прошла над садом,
стала сваливаться к западу. В деревне не раз
пропели петухи. Ребята работали, сменяя друг
друга. Глубоко, пояском врезался в ствол на-
пильник. Володька предлагал сломать, но
Ленька не соглашался, боялся погнуть ствол.

— А он потом от пули выпрямится, —
убеждал Володька.

— Скорее ты выпрямишься, — отстаивал
свое мнение Ленька.

Они работали напильником до восхода
солнца, теперь можно было стрелять, но у них
хранилось лишь три патрона, и тратить патро-
ны без пользы они не хотели. Если выстрел
сделает один, то и второму надо: Володькин
ствол, Ленькин затвор, оба на равных хозяева
винтовки.

— Надо у Сереги одинцовского попросить
патронов, — сказал Ленька. — Они на Зушу
ходят. Там много, говорят.

— А давай я схожу с ребятами? — предло-
жил Володька. — К вечеру обернемся.

— Иди, — согласился Ленька. — Я тоже
сходил бы, но в саду некому быть. Полянка за
земляничкой пойдет... Найдутся патроны —
больше набирай. Мешок с собой возьми.

— Мать не даст мешок, — сказал Володь-
ка. — У нас два только.

— Я свой из дома возьму. Скажу матери,
нянька просила...

7

На реку Зушу ребята уходили от шалаша.
Ленька принес из дома мешок, три яйца взял
с гнезд и две пышки; Володька молока пол-
литра налил, набрал вареной картошки. До
Зуши восемнадцать километров, уходили без
завтрака, чтобы не задержали дома. Ленька
проводил ребят до края сада, постоял, глядя
им вслед. Их было четверо. И он им завидо-
вал: они увидят реку, луга, деревни, где про-
ходила в войну передовая, будут там ходить
по блиндажам, наберут трофеев, — а ему от
сада никуда не отойти.

В то утро прибежала к Леньке двоюродная
сестра Шура, спрашивала, где Володька. Ему
наряд на работу — и завтракать не найдут
его нигде.

— Я видел, они куда-то пошли, — сказал Ленька. — На Якино, в лес, наверно.

— Ему будет! — сказала Шура и ушла домой.

Приходила к Леньке и няня Варя. Он не сказал правды. Как затвердил, что ребята ушли в лес, так и повторял это, но зачем их понесло в лес, придумать не мог.

— Ой, что-то тут у вас не то, — сомневалась в Ленькиных словах няня Варя. — Ну, дай только придет...

Этот день показался Леньке самым долгим днем. Солнце медленно поднималось ввысь. К обеденному времени Ленька пришел домой. За обедом мать спросила, куда он дел мешок, — утром она уже спрашивала о мешке у сестры,

зачем он ей вдруг понадобился. Няня Варя удивилась, о каком мешке речь — не знала.

— Какие-то у вас темные дела, — заподозрила мать. — Смотрите, ребята!

Ленька лишь краснел. Разговор был неприятен ему. И, не задерживаясь долго дома, он ушел в сад.

После обеда Ленька сидел на краю сада и все смотрел в поле, ждал ребят и тревожился, что они долго не возвращаются. В голову лезли разные мысли. Знал, что еще оставались в земле мины. Весной подорвался трактор. Хорошо, что мина была противопехотная, и тракторист уцелел. Ленька переживал, что сговорил Володьку. Выбрался бы как-нибудь сам. У Володьки характер горячий, он все делает

с разгона, поспешно. И там может сунуться куда-нибудь, так что потом и костей не соберут. На минах да на снарядах сколько ребят подорвалось...

Леньку вдруг позвали. Он поднялся, пошел к шалашу. Его искала няня Варя.

— Так и нет их? — спросила она. — Ну, погоди он у меня, погоди! Тут наряд ему новый, ехать за лошадьми. Лошадей на колхоз дают. Теперь хоть самой подаваться.

— Придут они скоро, — сказал Ленька и бросил взгляд на поле, откуда должны были идти ребята. Нарвутся на тетушку, и еще вдруг мешок с трофеями будет — не видать потом ни патронов, ни чего другого. — Успеем собраться до утра. Я помогу ему.

— Какое тебе утро! Сейчас надо ехать. Малый из Скородного приехал за ним, ждет... Вот наделали делов! От Власыча теперь света не взвидишь...

Ленька задумался. Как же быть? Колхозу прислали откуда-то лошадей. В сорок третьем, зимой, также дали монгольских лошадей. Всего их было шесть, и мелкие они, но сразу легче в работе стало.

— Поеду, делать нечего, — решила тетка и пошла к дороге.

— Нянь, подожди, — остановил ее Ленька. — Пускай девки покараулят тут, а я съезжу.

— Покараулим, как же! — обрадовалась няня Варя. — На ночь-то я и сама приду. Да малый отыщется. Не в Новосиль же он ушел.

— А мне еще лучше, — сказал Ленька. — Прокачусь. Надоело тут...

— Как не надоесть! Старик, что ль, ты в сторожах сидеть. И не знаю, как согласился? Оно хоть и ничего, но не ребячье это дело. Дед Яша тут на месте был бы.

— Он не захотел, — сказал Ленька.

— А то захочет — ругаться с каждым.

— За что тут ругаться?

— Погоди, узнаешь за что. Сейчас еще никому дела нет, а созреют яблоки — нагорюешься. Каждый будет руки протягивать, а ты сказать не смей. Скажешь — нехорош станешь. Это уж знаю... Вот она, — тетка показала на прокошинский огород, где над ботвой виднелась спина бабки, половшей картошку, — первая пойдет. И как бы сейчас не поперлась, как увидит, что ты ушел.

Она ускорила шаг. Ленька заспешил следом, оглядываясь на бабку.

— Сейчас я тебе в дорогу соберу поесть да поезжайте с богом. Как же, лошадей дают, а за ними ехать не хотят. В другой раз и скажут: «Мы вам готовенькое, а вы кланяться заставляете». И оставят что похуже.

8

Еще с выгона Ленька увидел парную подводу у теткиной избы. Лошади ели траву. Опершись на боковую решетку повозки, стоял Васька Токарев из Скородного. Ленька разволновался: представлялась дальняя дорога, ночлег в чужой деревне, а утром они будут выбирать лошадей из табуна, выберут лучших и приведут их в свой колхоз. И будет из этих лошадей лучшая, которую выберет он, — потому так и будут называть ту лошадь «Ленькиной»...

С Васькой Ленька был одного года; до войны вместе учились с первого класса по пятый; отцы их были в один день взяты на войну, в

одном эшелоне везли их на фронт под Ленинград. Васькин отец вернулся в мае раненым и рассказывал, что в один час их высадили из вагонов и сразу же бросили в наступление. Он потом пришел в сознание лишь в госпитале, и помнил, как в последнее мгновение перепрыгнул на поле во время атаки через красноармейца, узнал его: это был Ленькин отец, — и тогда же Васькиного отца ранило, и он не знал, живым ли еще был или уже погибшим отец Леньки...

— Здорово! — сказал Васька. — Где ходите? Надо срочно ехать.

— Разворачивай лошадей, — ответил Ленька. — Я сейчас...

— Нам еще за сеном надо заехать, — вспомнил Васька, — отец накопил теперь.

Он слез с повозки, подвязал чересседельник, покачал ногой колесо со скосившимся ободом, вскочил в повозку и тронул лошадей. Застучали по дороге колеса, куры побежали к избам. Из сада вышла Полинка с огурцами в руках. Ленька соскочил с повозки, подбежал к ней и забрал у нее огурцы. От удивления она не скоро пришла в себя: Ленька должен был быть в саду, а он куда-то поехал. И когда он снова сел в повозку, крикнула:

— Ленька, а ты куда?

— Завтра вернусь, — ответил Ленька и помахал рукой. — До свидания.

— Подожди, матери скажу!

— Некогда! — крикнул Ленька.

Васька погнал лошадей. Голос у него был грубый, словно у мужика, и он, замахиваясь кнутом, кричал «э-эй», но лошадей не стегал. Низкорослый монгольский жеребчик, с густой гривой, с длинным и пышным хвостом, напрягался, порывался вскачь, видимо, непривычен был к телеге, а подошел лишь под верхнюю езду, к скачкам по широким степям, и в упряжке он ходил неровно, с места рвался в бег и скоро сдавал. В пристяжке шла кобыленка. Она была тонка и тоже малосильна. Ленька смотрел на этих лошадей и вспоминал деревенских довоенных, — был их целый табун. Когда стаивал снег, на выгон выпускалось столько, что не пройти было...

— Вась, — заговорил он, — наших бы сейчас лошадей. Вот прокатились бы!

— Этим тогда и делать нечего было бы. Никто таких запрягать не стал бы.

— Что там у них в Монголии — лучше нет лошадей?

— Есть. А эти из диких. В степи наловили да нам прислали. Теперь с Кавказа пригнали. Посмотрим, какие будут.

— Тяжеловозов бы, да?

— Может, попадутся, — сказал Васька. — Всех тяжеловозов тоже не нужно. Поехать куда побыстрее...

Деревня осталась позади. Они въехали на подъем, откуда Ленька в детстве смотрел на окрестные деревни.

— Вась, почему вот так: смотришь всегда на деревни, хоть на ваше Скородное, и не надоедает?

— Да? — спросил Васька и осмотрелся по сторонам. — Чего на них смотреть — деревни как деревни. В Москву бы попасть, посмотреть. Вот это да!

Лошади приостановились. Дорога пошла под уклон. Телега накатывалась на коренного.

— Э-эй, ты! — крикнул Васька и поднял кнут. — Пятки отдавит!

Ленька давно не ездил так, чтобы самому не править, не погонять лошадей. Тогда думать некогда, а так — сиди, посматривай по сторонам, замечай все, что попадется на глаза интересного, и думай. А интересного столько, что и себя забываешь. В поле одиноко дубок растет. Почему он тут, посадил ли его кто или лесом была вокруг земля? И уводит тебя в даль веков, и такая рисуется картина, что хочется снова вернуть сюда леса, прежний вид.

В саду, который сторожит Ленька, раньше вдоль канавы в ряд росли дубы, сплетались ветвями. Спилили их однажды зимой на дрова, и после того сад стал другим, словно он был одет в толстую меховую шубу, а потом его раздели.

Ленька обернулся. Вершина дуба еще виднелась из-за бугра. А мимо потянулась лощина с орешником и дубовыми кустами. Утки вылетели из травы, где протекал ручей. За оврагом виднелся поселок. Здесь уже некоторые заново построились.

Они свернули на выкошенную лужайку, набросали в повозку свежей травы.

Приехали в поселок. Оставив на дороге лошадей, Васька сходил в дом и вернулся с белым мешочком. За Васькой торопливо вышла на порог мать.

— Сынок, возьми-ка вот еще, — она поднесла узелок.

— Хватит нам еды, — отказывался Васька. — Завтра же вернемся.

— Едешь на день — бери на неделю, — не отступала мать.

Подошел дядя Паша, Васькин отец. Поздоровался с Ленькой за руку, спросил о делах, о доме, осмотрел повозку.

— Дойдет колесо-то? — спросил он. — Как бы оно вам шиш не показало. Я тут на ручье приглядел колесо в иле, с передка тоже, но без втулки. Заменяй, а?

— Некогда, — ответил Васька. — Не развалится и это.

Наконец, покатали дальше. Предстоял не-

близкий путь за Парамоново, там где-то задержали присланный с Кавказа табун. Дорога эта частью была знакома Ленке: в сорок втором году эвакуировались через Головкино, Парамоново оставалось вправо...

Теперь у перекрестков еще стояли столбы с указанием направлений, оставшиеся от военных, но указатели уже были сбиты, а в иных местах и столбы убраны.

Проехали Головкино. Здесь отстраивали МТС. Огромные цистерны установили на каменные фундаменты, на сараях поправили крыши и наставили вдоль села столбов.

— Смотри, у них электричество будет! — сказал Ленка.

— Тут по-городскому скоро заживут, — отозвался Васька. — А ты знаешь, я хочу на молотилку поступить машинистом.

Ленка вспомнил, как до войны к ним привозили к осени молотилку, когда все хлеба бывали собраны в скирды, и шла молотба. Машинист лишь смотрел, чтобы не было поломок, чтобы не баловались ребята на молотилке, не подавали бы густо в барабан снопы. Когда обрывался приводной ремень, он с трактористами скоро сшивал его и снова запускал машину...

Дорога от Головкино долго шла на подъем, наизволок. Лошади везли повозку медленно. Васька погонял их, не давал им совсем остановиться. Потом долго тянулась равнина, показался лес. Солнце занилось, похолодало, от лошадей отстали мухи с оводами. В лесу стало темнеть.

— Вась, ты волков боишься? — спросил Ленка полушепотом.

— Что? — насторожился Васька. — Почему ты спрашиваешь?

— Так. Я боялся, а теперь не боюсь. В саду привык. Они к человеку не подходят. Я и не видал ни одного.

— К человеку не подойдут, — сказал Васька, — а мы на лошадях. Я топор взял на всякий случай. Только лошади у нас негодные. На таких от волков не уедешь.

— Надо было мне взять одну штучку... — пожалел Ленка. — Любого зверя уложили бы.

— Да? У тебя есть? Обрез, что ли?

— Обрез. Только — секрет, а то отберут.

— Никому не скажу, — обещал Васька. — Наш или...

— Наш. Володька привез из Головкино ствол, а затвор у меня был.

— Патроны есть?

— Мало: три всего. Ребята, если не подорвутся где на mine, еще принесут.

— Пострелять дашь? — спросил Васька.

— Приходи потом. Не жалко...

Ночевали в парамоновской школе. Народу съехалось много. Были старики, были инвалиды, были бабы и девки. Кто-то прихватил с собой гармонию. После ужина все собрались в большом классе, раздвинули парты. Пришел на костылях одноногий парень в военной гимнастерке. Он играл на гармонии, а рядом сидела красивая девушка, держала его костыли и все время смотрела на него. Ленке она очень понравилась, и он завидовал инвалиду и думал, что в чужих деревнях девки красивее.

Серьезно плясали под гармонию девчата. Ленка сидел на подоконнике, следил за гармонистом, как тот, играя, притоптывал ногой и как подергивалась культия в такт игре. Ленка толкнул в бок Ваську:

— Смотри, у него и отрезанная нога пляшет. Чудно, правда?

— Он чувствует все равно, как будто она есть. Отец рассказывал, в госпитале красноармейцы жаловались, что пальцы болят, а рук-то давно нет. По нервам передается.

— Чей он? — спросил Ленка.

— Спешневский. Не видал? Он после моего отца домой пришел.

— А с ним кто?

— Тоже не знаешь?! — удивился Васька. — Сестра его. Тебе нравится?

Ленка в ответ скривил лицо.

— Я хочу ее проводить, — сказал Васька.

— А куда ее провожать? Она тут будет, в школе.

— Не проводить, так... поговорю.

— Ты умеешь говорить?

— А чего там уметь. Только подойти, когда одна останется.

— Ты провожал кого-нибудь? — спросил Ленка.

— Ага. В Глодове. Только их трое было.

— Кого ты там провожал?

— А, ну ее. Она ломается дюже, убегает.

Инвалид стал играть песни. Сестра его вдруг встала со скамьи, положила костыли и направилась к окну. Васька толкнул Ленку, шепнул:

— За мной идет.

Ленке стало завидно. Вот бы его так-то звали. Сам-то он, наверно, никогда не осмелится на это. Она остановилась в нескольких шагах, посмотрела на Ваську, потом решительно подошла к Ленке, протянула руку:

— Пойдем?

От неожиданности и стеснительности Ленка пополз от нее по подоконнику и, глядя в глаза, качал в знак несогласия головой.

— Подумаешь! — сказала она и отошла, потом обернулась и смерила его презрительным взглядом, словно обозвала трусом.

— Подумаешь, — передразнил ее Ленька и вернулся на насиженное место. — Просили ее, как же. Я ногами-то так двигать не могу.

— Эх, ты! — произнес Васька с жалостью. — А говорил, волков не боишься. Так я тебе теперь поверил.

— То волков, — стал отговариваться Ленька, чувствуя, как по лицу переливается от стыда краска. — Шел бы сам-то — что же ты?

— И пойду, — заявил Васька. — Начнет другую — пойду.

Васька слез с подоконника и направился в толпу парней.

«Тебе хорошо, — подумал Ленька, — ты вон какой большой».

Леньке стало скучно, и зло брало за себя, что он такой нерешительный. Он косился в ее сторону — и перед ним вставали ее глаза, веселье и черные. Он впервые увидел, что глаза у девок красивые. Ему хотелось посмотреться в зеркало. Он считал себя некрасивым. Почему же она подошла к нему? Васька сидел рядом, он больше ростом, сильнее, а она выбрала его, Леньку.

«Вернемся с лошадьми, пойду к ним на вечеринку, — думал Ленька. — Ребят созову, тогда...»

Он отправился на улицу к повозке. Выходя из класса, заметил, что она проводила его взглядом, как будто не обиделась на него.

Ночь была темная. Леньку охватило чувство одиночества. Разом вспомнились отец с братом — они теперь далеко воюют, промелькнула в памяти сожженная немцами деревня; обернулось все вдруг довоенным детством, праздники припомнились: все наряжено, в цветах, голос матери хлестнул по сердцу, молодая она припомнилась, бойкая и веселая... И он рванулся с крыльца к телеге, лег на теплую траву вверх лицом и расплакался, сам не понимая почему.

Небо показалось Леньке беззвездным, но стекла из глаз его слезы, и замелькали в выси яркие точки, вначале — все одномерные, одноцветные, потом — мелкие, крупные и совсем мелкие, зеленые, желтые, переменного цвета. Ожило небо. Запахи появились. Пахло конским потом и навозом. Слышалось позвякивание, храп лошадей, жевание травы. Все вернулось к Леньке. Он взялся крепко за верх тележных решеток, подтянулся и сел. Темнели лошади, повозки. На повозках виднелись людские фигуры, появились огоньки папирос. Доносился сдержанный мужской говор. Ленька рассмеялся тихо, его охватила незнакомая до-толе радость. Он понял, что влюбился...

Васька пришел поздно.

— Не провожал ее? — спросил Ленька.
— Нет, — ответил Васька. — Она костыли все держала, потом гармонь понесла — гоняться, что ль, мне за ней?

— А ты знаешь, как ее зовут?

— Зинкой, — ответил Васька и зевнул.

— Она старше нас?

— Старше года на два... Ребята говорили, ишаков прислали вместе с лошадьми.

— Да?

— Вот тебе «да». Достанется нам — вот чудо будет.

— Вась, а где они там живут?

— В горах, — ответил Васька.

— Кто в горах?

— Ишаки.

— Я о спешневских спрашиваю. Зинка где живет?

— А, Зинка. — Васька говорил лениво, засыпал. — От церкви второй не то третий дом. Зачем она тебе?

— Так спрашиваю, — ответил Ленька.

— Спи, — сказал Васька. — Вставать надо рано. Ехать еще пять километров... А то проспим, ишаков надают нам...

Ленька долго не мог уснуть. Где-то разговаривали, слышался смех. Васька бормотал во сне. Звезды падали — Ленька гадал, почему они пролетают всегда в сторону от земли, скользят по своду неба, как будто и вправду у неба есть свод. Потом долго думалось о Зинке, рисовалось ее лицо, фигурка, слышался голос. Он думал, что она понравится его матери, будет дружить с Полинкой, а все деревенские ребята будут завидовать ему...

Вот уже небо тронулось летним рассветом. Рассвет начинался далеко, и когда он разошелся по всему небу, погасил звезды, этого Ленька не видал. В какой-то миг он уснул...

Васька растолкал его поспешно. Лошади были впряжены в повозку. Говорил Васька шепотом:

— Вставай. Отправляемся. Днем, как будем ехать домой, поспим. Спешневские уже уехали.

Утро было росистое и холодное. Леньку сразу бросило в дрожь. Он не скоро понял, зачем его разбудили, закутался в фуфайку и, привалившись к решетке, снова задремал. Но спать ему не пришлось.

— Ленька, не спи, — заговорил Васька во весь голос, когда они отъехали от школы. — Зинка подходила, спрашивала про тебя.

— Что? — встрепенулся Ленька. — Что спрашивала?

— Говорит, ты каменский или не каменский.

— Ты что сказал ей?

— Сказал, каменский.

— Она что?

— Ничего. Сказала «а».

— А что еще спрашивала?

— Спросила, мы за лошадьми приехали или нет.

— Что ты сказал?

— Сказал «да».

— А она что?

— Она сказала «а».

Ленька тоже протянул «а-а» и задумался. Было приятно, что Зинка не забыла за ночь о нем, подошла сама, спрашивала, и он теперь жалел, что не слышал этого разговора сам.

— Еще она что-нибудь спрашивала?

— Нет, больше ничего, — ответил Васька.

Ленька стал смотреть в сторону восхода солнца. Там, где оно должно было показаться, виделось кипение очень далеких облаков, словно они расступались перед ним. Заиграли первые лучи, и травы, хлеба, от дороги до горизонта, казалось, затянуло паутиной с блестящими росы. Солнце словно вытолкнули в небо. И тут же от него хлынуло тепло.

— Подводы четыре уехало, — сказал Васька. — Я слышал, но не хотел вставать.

По лугам кричали коростели. Перепела пересвистывались вблизи дороги. Над землей пролетали ласточки. Впереди завиднелся перелесок, потом высокие старые деревья, открылся большой красный дом, с колоннами, под железной крышей. В отдалении по низине были разбросаны избы.

— Ветпункт. Тут будем получать лошадей, — сказал Васька, потеряв от удовольствия руки. — Интересно, какие нам достанутся.

— А их не по списку давать будут? — спросил Ленька.

— Может быть, по списку. Но там надо смотреть — плохая попадет, чтобы заменили ее.

Васька привстал на колени, всматривался вперед, ерзал от нетерпения и погонял лошадей.

— Травы полвоза умолотили, а не везут, — приговаривал он. — Отяжелели — я вот вас!

На ветпункте никого не было видно. И не было вблизи табуна. Васька сразу пошел к тем, кто приехал раньше, узнать о порядке раздачи лошадей. Инвалид костылем показал ему на сарай, сказал что-то. Васька махнул Леньке рукой — идти за ним, направился к сараю. Ленька слез с повозки. Ноги не стояли, отсидел, схватились мурашками. Ленька прыгал у повозки, размялся и, прихрамывая, пошел за Васькой. Окинув повозки взглядом, он увидел на одной спавшего человека под шинелью. Зинки не было.

На воротах сарая ржавыми, гнутыми гвоздиками были прибиты списки. Васька нашел в списках свой сельсовет, колхоз, стал читать. Им на колхоз давали пять лошадей — так

сообщалось и в распоряжении из района — и шестым был дописан в список «Измаил — масть мышиная, шестилетнего возраста».

— Ленька, шесть дают! — обрадовался Васька. — Вот это да! Ждут пять, а мы пригоним шесть! Ну и повезло! Ты чего не радуешься?

— Измаил этот — какой-нибудь убогий мерин, — ответил Ленька и отвел взгляд на спешневские повозки.

— Понятно, — подмигнул Васька. — Зинки не видно. Она спит.

— Иди ты, — ответил Ленька. У него загорелись уши, лицо охватило жаром. — Пойду на повозку, — сказал он, чтобы скрыть волнение. — Ты не выдумывай. На что она мне...

10

Лошадей пригоняли небольшими табунами. Ловили их, находили в гривах бирки, выкрикивали приметы, клички, возраст, масть. Какой-то начальник просматривал списки и на-

зывал колхоз, которому должна принадлежать эта лошадь. Тогда за ограждение вбегали люди от названного колхоза, набрасывали лошади на голову уздечку, начинали осматривать животное, но их торопили, чтобы не задерживались, не мешали бы другим. Лошади с виду были сытые, хорошие, и придинок особых не было.

К полудню Васька с Ленькой получили четырех лошадей. Им дали двух кобылок, молодого рысистой породы жеребчика и большущего мерина. Оставалось дожидаться еще двух лошадей.

У ветпункта не хватало приезжим выгона. Лошади, сбившиеся между телегами, взвизгивали, брыкались и грызлись. Мужики укрощали их кнутом и окриками. Скрипели повозки, слышалась ругань. Тут же звенели ребячьи голоса. Все это походило на базар. Солнце палило сильно, гимнастерки и рубахи промокли от пота. Стояло безветрие. Налетели с полей и лугов оводы, липли к лошадям.

Спешневские уезжали. Инвалид сидел на телеге. Зинка выводила под уздцы лошадь с упряжкой, ей помогали парень и старик, они расталкивали лошадей, заносили задки повозок. Ленька стоял на своей повозке. Сердце у него вдруг забилось часто, радостно, когда он увидел вблизи спешневских. Он ждал, что Зинка посмотрит на него, что-нибудь скажет... Но она не обратила на него внимания. Он понял, что сейчас ей не до него: надо смотреть вперед, чтобы не задеть чью-нибудь телегу, не поломать оси, не порвать сбрую. Пожалел, глядя им вслед, что они раньше получили лошадей. Поехать бы вместе, вот было бы здорово.

Васька привел молодого мерина и был огорчен этим.

— Две матки только, — сказал он. — Пойдем к главному, попросим одного мерина заменить на кобылу.

Главный отдыхал на крыльце ветпункта, отирался полотенцем, умывшись холодной водой. Он был обрит, круглоголов. Уши его показались Леньке очень мелкими, как будто и не с этой головы они были. Нос маленький тоже, вздернутый, готовый взмахнуть крылышками и взлететь на высокую березку, росшую у крыльца.

Теперь Васька стоял перед начальником, разговаривал с ним.

— Я об колхозе забочусь, а мне хоть всех мериньёв давай, — сказал Васька.

— Ишь он, герой скородинский — об колхозе заботится. А я не об колхозе? Я пол-Кавказа за ними исходил. Тут все по-хозяйски сделано...

— По-хозяйски! — перебил Васька. — А Измаил, Измаил-то где?

— Какой Измаил? — изумился начальник. Он схватил со скамейки планшет, вынул списки, перелистал. — У меня не значится на вас никакого Измаила. Выдумают сами и идут с претензией...

К крыльцу подъехал верховой мужик, черный от загара, сказал:

— Егор Иваныч, остальных пригнали.

— Хорошо. Я думал, до вечера провозимся, — отозвался начальник. — Раздавайте — и на отдых.

— Егор Иваныч, а что ишаков держат взаперти, не раздают?

— Как, и они, проклятые, тут? Вот душу-то вымотали! Где дополнительные списки? — Егор Иваныч снова схватил планшет, щелкнул себя по лбу, после чего разом на лбу собрались складки, вынул листки и, всунув в них лицо, рассмеялся и закричал: — Парень, стой! Нашелся твой Измаил. Сбили меня совсем...

Ишака вам решили дать — лучшего. Дед один подарил. Говорил, от всей души отдает русским лучшего ишака. Говорил, его дед на нем в горы ездил...

— Значит, ишак старый? Зачем нам такой? Подыхать? А в списке стоит шестилетний... — проговорил Васька.

— Иди, забирай и — с богом...

Леньку ишак заинтересовал. Теперь увидит и будет знать, что это за скотина, и в деревню привезут как чудо. Васька опечалился. Он где-то видал ишаков и слышал, что проку от них в колхозе мало, ишак только корм будет переводить, но делать было нечего, пришлось взять и его.

Измаила привязали к повозке сзади за тоненькую веревочку. Лошадей распределили впереди, рядом с коренником.

— Теперь погоним до дома, — сказал Васька. — До вечера обернемся.

Ленька посмотрел на солнце. Оно сошло с

полдня. Небо стало затягивать клочковатыми облаками. Под легким ветерком заволновались хлеба и травы, оводов снесло от лошадей.

Васька принялся погонять коренника с пристяжной. Кавказские лошади стали забегать вперед. Измаил вдруг оглянулся, уперся ногами в землю и оборвал веревку.

— Васька, оторвался! — крикнул Ленька и прыгнул на землю.

— Лови — уйдет! — Васька остановил лошадей, подбежал к Леньке с веревкой. — Вот это дает! Мы так с ним за три дня не дотащимся.

Он сделал веревочную петлю, завязал ее на шею ишака, снова поставил его на привязь к телеге, сел и взял вожжи. И снова тронулись в путь. Но как только Васька разогнал лошадей, ишак уперся копытами в дорогу и остановил их.

— На, кнутом его, — сказал Васька. — Вот это богатырь! Две лошади с места сдвинут! Весь колхоз один вывезет!

Ленька стал подгонять ишака, а он ни с места, словно не больно ему от кнута. Васька по-

дошел и стал бить его как попадя, кнутом и кнутовищем.

— Он нас решил тут оставить, — заговорил Васька. — Что делать-то?.. Измаил! Слушай, а если мы тебя бросим тут? Ты знаешь, что у нас волки водятся? Они съедят тебя.

Васька взял ишака за гривку и за хвост, потянул на себя.

— Слушай, Ленька! Давай его в повозку положим.

— Разве одолеешь его, — ответил Ленька.

Васька снял с телеги боковую решетку. Измаил повернулся к лошадям задом, вздохнул и закрыл глаза, словно его оставили на этом месте навсегда. Васька подвинул повозку назад, к ишаку.

— Заходим, толкаем! — командовал Васька.

Быстро и ловко уложили они Измаила в телегу, поставили на место решетку, пропустив через нее ноги ишака.

— Лежи теперь до дома, — сказал Васька. — Садись, Ленька, на боё ему, чтобы знал своих.

— Тяжело ему будет, — ответил Ленька и пристроился в задке повозки, подложил Измаилу под голову колено. — Поехали.

С ишаком справились хорошо, но лошади путались, все норовили бежать по дороге, сбивали коренника. И вдруг Ленька охнул и свалился с повозки на дорогу. Васька бросился к нему.

— Ленька, что с тобой?

Ленька отнял от лица руку, не открывая глаз, спросил:

— Крови нет?

— Где?

— Из носа. — Ленька снова закрылся рукой, застонал.

— Ты что, носом об дорогу? Или об колесо?

— Измаил... головой, — проговорил Ленька и стал вставать.

Он качался. В голове чувствовал сильную боль. В глазах плавали огненные круги.

— Головой мотнул — и меня по носу. У, скотина!

Он хотел ударить Измаила, но пожалел. Ишаку, должно быть, было мучительно лежать в таком положении.

— Вась, он так разобьет себе голову. Давай сена подложим и привяжем...

— Жалешь? — спросил Васька. — А он здорово тебя! Ты — как мешок. Гляжу, был Ленька — и нет Леньки. Ну-ка, посмотри на меня... Ничего не заметно. Нос слегка припух, но даже красивее стал... А как с лошадьми управимся? Дай я верхом поеду. А ты — на повозке.

— Как хочешь.

В поселок приехали до захода солнца. Дядя Паша осмотрел лошадей, каждой дал оценку, но, можно сказать, медалей не выдал ни одной. Кобылки мелковаты, не пойдут дальше в рост. Жеребца такого по прежним временам ни один хозяин не стал бы держать. У тяжело-воза сведено одно плечо — бесплечие — и на коленках выросли шишки, и лишь последний меринок был ничего: и для телеги и для плуга, но не на дальние дороги и не под тяжелые воза.

— У других еще хуже, — сказал Васька в оправдание. — А жеребец под верхом как ходит!

— А ну, прокатись, — подзадорил сына дядя Паша.

Васька сел верхом, хлестнул жеребца и поспешил по поселку. Вернувшись, он прыгнул на ходу и спросил:

— Ну, что теперь скажешь?

— Никуда твой рысак, — ответил невозмутимо дядя Паша. — Хвостом крутит, как тесто в дежке мешает. В рысаки не годится... Да ладно, — махнул он рукой. — Дареному коню в зубы не смотрят. Спасибо и за эти! А теперь ужинать...

Ленька домой приехал в поздние сумерки. Мальчишки следом гнались — прокатиться, но отбегали от повозки, не понимая, что за животное везет Ленька. Полинка выбежала на дорогу встречать брата и тоже не села на повозку. А когда Ленька остановил лошадь в проулке, подошла мать и, посмотрев, на что дивятся ребята, спросила:

— Сынок, это кого ты привез нам?

— Ишака, — ответил Ленька. — В саду все в порядке?

— Какой порядок, — вздохнула мать, — хоть милиционера зови. Целый день бахали. Того и гляди убахают кого. Вот бандитизм-то. И Варькин-то малый — как с ума сошел: мать и слушать не хочет.

В саду раздался выстрел. Леньке стало не по себе. Слишком волю проявил Володька. Не надо было показывать обрез всем ребятам. Ленька стал торопливо распрыгать лошадь, снял решетку, распутал на Измаиле веревку и с помощью мальчишек сволок его с повозки.

Измаил, как ни в чем не бывало, засеменил по тропке мимо избы, ребята отправились за ним.

— Смотрите, чтобы не ушел никуда! — крикнул Ленька.

Трое мальчишек вернулись и сообщили, что Измаил встал под стенку тетки-Вариного сарая и заснул.

— И зачем такого чудака везли? — диви-

лась Ленкина мать. — Как коза не корова — и это не лошадь. Право, только народ смешить.

— Он сильный, мам, — сказал Ленка.

— Неужели? Ну, посмотрим, на что он способен. А лошадей-то хороших дали?

— Разных... Ну, я пошел. Посмотрю, где Измаил, и в сад пойду.

— Ужинать! — сказала мать.

— В Скородном накормили, — ответил Ленка.

— У Васьки? Надо же. Ну, тогда ступай. Да останови их там, стреляльщиков-то.

— Остановлю, — успокоил ее Ленка и направился к теткиной избе.

Мальчишки наносили Измаилу травы. Ломали разные ветки, подносили к его губам, но он ничего не принимал, стоял, словно неживой.

— Все! — скомандовал Ленка. — По домам. Завтра приходите кататься. Сейчас не трогайте. Он по Кавказу сучает.

Ленка набросил на шею Измаилу веревку, привязал его к столбу и ушел...

Еще издали он увидел в саду большой костер. Ярким пламенем освещалась листва деревьев.

«Распалили! — подумал он. — Шалаш сожгут».

Вдруг заметались у костра тени ребят и все бросились врассыпную, попадали в канавы. Ленка сообразил, что случилось, залег за бугорок.

Ночь была тихая. Слышался треск дров — и вдруг метнуло оглушительным взрывом, осветило все вокруг — и легла тьма. Прошуршал по траве осколок и, словно хрюкнув, зарылся в землю. Ленка встал, закричал: «Не взрывать больше ничего!» — и побежал к шалашу.

Костер был разбросан. На шалаше занялось сено. Ребята сбежались из укрытий, принялись тушить пожар. Ленка подошел к Володьке и дал ему по скуле. Колька Колпаков бросился бежать. Ленка — за ним. И вдруг напоролся ногой на что-то острое, сделал несколько шагов и сел на траву.

Острая боль прорезала стопу. Чувствовалось, что наплывает кровь в тапок. Он разулся, тронул рукой рану, стянул рубаху и замотал ногу.

Тапок он в темноте не нашел, попрыгал на одной ноге к шалашу, скрипя от боли зубами.

Володька затоптал огонь, собрал в костер головешки. Он остался у шалаша один, все разбежались.

— Берегись теперь, Колпаков, — сказал Ленка. — Ногой из-за него поранил. Что взорвали?

— Снаряд. Нос у него был острый, как у бронебойки, — с готовностью отвечал Володька. — Я говорил: подождать тебя, а Колька взял и бросил... Мы едва успели добежать до канавы.

— Я ему брошу, — грозил Ленка, разматывая с ноги рубаху. — Здорово поранил. Болит.

В подошве был прокол. Ленка осмотрел рану, послунил.

— Ладно, пройдет... Патронов принесли?

— Много постреляли. Штук десять осталось.

— Где обрез?

— Тут, в шалаше. Я спрятал.

— Давай сюда!

— А патронов тут нет... Ты стрелнуть хотел?

— Не твое дело. Ищи, что говорят!

— У него, знаешь, это... сломалось, — но стрелять все равно можно.

— Вот что, — решил Ленка, повертев в руках обрез, — сходи за патронами — все чтобы принес! — а потом будем разговаривать.

— Можно утром? — отговаривался Володька.

— Сейчас неси.

— Они тут. Только не десять, а пять.

Володька сходил на канаву, вынул из ракитового дупла патроны, отдал.

— Я... мы еще принесем завтра.

— А сейчас уходи отсюда, — сказал Ленка. — Понял?

— Понял, — тихо ответил Володька и нехотя ушел из сада...

Окончание следует

Ноты для НОТ

Л. Эфрос,
инженер-экономист

Рабочий вытачивал за час сто болтов, а стал вытачивать сто двадцать. Мы говорим: повысилась производительность его труда. Повышение производительности труда хотя бы на процент, хотя бы на десятую долю процента — это десятки лишних тепловозов и автомашин, сотни тысяч дополнительных метров ткани и пар обуви, — а как все это нужно нашей стране!

Разными, многими способами можно этого добиваться.

Можно изобретать все новые и новые, все более быстроходные и совершенные станки. И ставить к ним тех, кто особенно хорошо умеет с такими станками управляться.

Но сразу все станки не заменишь. И всех рабочих не сделаешь рекордсменами.

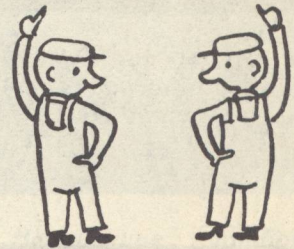
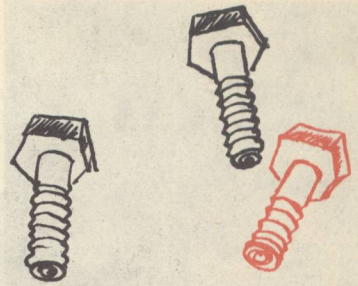
А есть средство, которое помогает увеличивать выпуск продукции, ничего кардинально не меняя. На прежних, как говорят специалисты, производственных площадях.

Это средство — НОТ.

Все сложное начинается, как известно, с простеньких элементов. Например, простая вещь — музыкальная гамма. Семь нот — до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Но из этих, только из этих нот складывается музыка и опер, и симфоний, и песен, и балетов.

Величавую симфонию НОТ можно тоже разложить как бы на отдельные ноты. И разобраться с каждой: как пишется, что обозначает и где стоит.

Итак,

ВРЕМЯ ЛОВЯТ СЕТЬЮ

ДО подлинно известно — сетью ловят рыбу. Птиц, в крайнем случае. А можно ли поймать время?

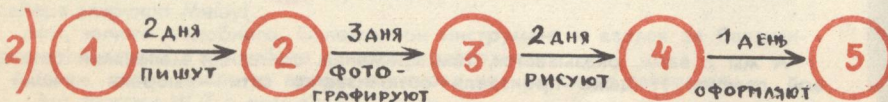
Можно. Ученые и инженеры придумали и для времени ловушку. И назвали ее сетевым графиком.

Сетевой график — это вот что такое.

Предположим, мы с вами — редакторы школьной стенной газеты. Из чего наша работа складывается?

- 1) Составить план номера — 1
- Получить от классных корреспондентов заметки — 2
- Упросить художника нарисовать заголовки — 4
- Добыть снимки из фотокружка — 3
- Вывесить, наконец — 5

Теперь посмотрим, что получится, если все эти этапы, все события выстроить цепочкой...

... и обозначить под каждой стрелочкой, сколько дней нужно для выполнения той, другой и третьей работы.

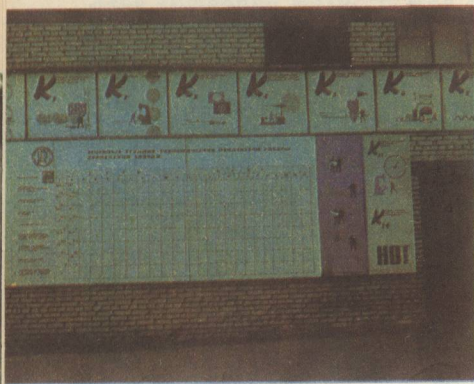
Два дня, да еще два дня, да три дня, да один день, — восемь. Больше недели. А газета должна висеть через четыре дня.

Вот и давайте рассуждать.

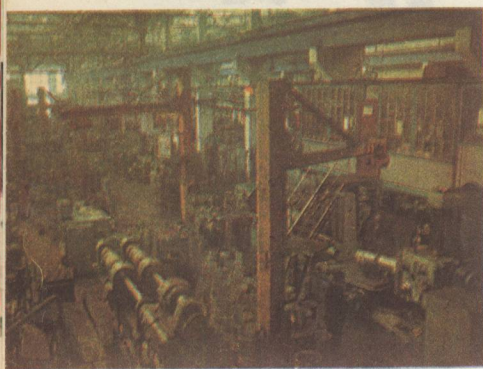
Нельзя ли, чтоб художник не ждал фотографа? Пусть они, в самом деле, трудятся одновременно — тот бежит снимать фотосаржи, а этот садится заранее рисовать заставки к ним. Не получится ли экономии?

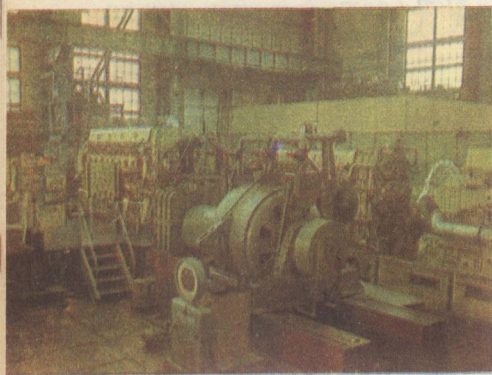

Первое, что мы видим, входя на территорию завода «Русский дизель», — стенд НОТ.

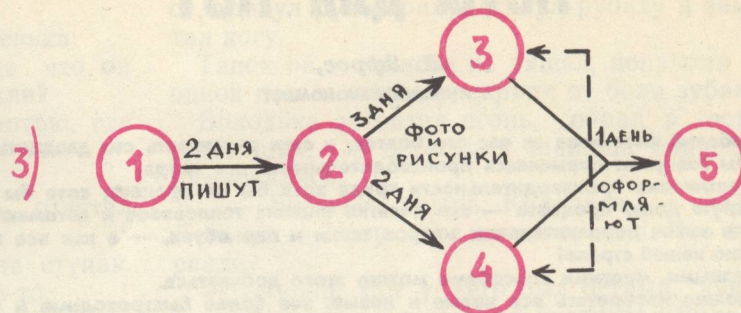

Поточная линия по обработке поршней. Цветовой климат и продуманное освещение обеспечивают предельную внимательность рабочих.

Испытательный стенд. Здесь происходит контроль за точным соблюдением государственных стандартов.

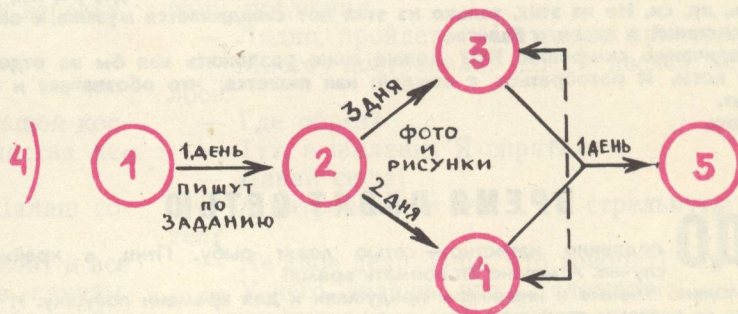
Получится! Целых два дня сэкономили, и схема теперь выглядит так:

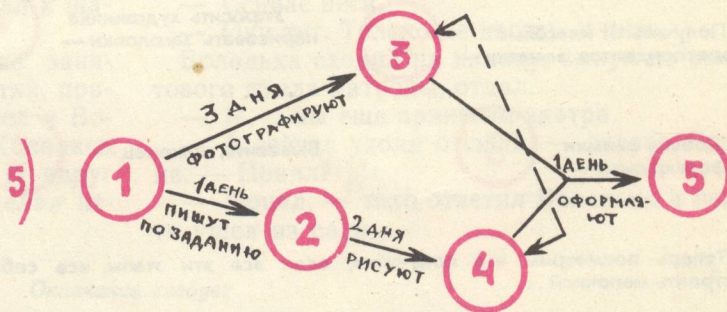
Шесть дней, конечно, не восемь. Но еще и не четыре. Будем думать дальше.

Что если не бегать за ребятами, не канючить: «Напишите о чем-нибудь», а продумать номер как следует и каждому корреспонденту предложить точную тему, дать задание, как во взрослой редакции?

Им будет легче, не придется ломать голову, о чем писать. Пожалуй, и лишний день таким образом сэкономим!

Позвольте, но ведь и фотограф может не ждать, пока заметки поступят, он тоже может получить задание и действовать независимо ни от кого. И в почти уже готовый номер вклеить свои еще мокрые отпечатки! Опять схема изменилась. На сей раз окончательно. Вот вам и желанные четыре дня.

А мы с вами, оказывается, тем временем составили маленький сетевой график. И даже произвели оптимизацию сети — выбрали лучший путь организации дела.

Конечно, сетевой график строительства многоэтажной гостиницы «Ленинград» или танкера на Балтийском заводе намного сложнее. И событий в нем гораздо больше, и работ. Десятки инженеров и техников с помощью электронно-вычислительных машин пересчитывают тысячи вариантов, чтобы выбрать лучший.

Мост через Днепр в Киеве вступил в строй на два месяца раньше срока, а блюминг «1300» в Челябинске — даже на четыре. И тут и там помог сетевой график. Он организует и контролирует работу, уплотняет время, повышает производительность труда.

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ Я ВЫДУМАЛ

РЕшил я съездить из Ленинграда в Москву. Только пригрелся на верхней полке, вдруг стук в дверь, входит проводник:

— Извините, дорогие пассажиры, одевайтесь, пересадка. Час-другой проехал, история повторяется: снова будят, снова пересел. Что за безобразие!

А это мы проезжали три области — Ленинградскую, Калининскую и Московскую. И в каждой области — своя ширина железной колеи, а значит, и вагоны разные ходят.

«Хватит выдумывать», — скажете вы. И будете правы. Так не бывает. Везде у нас одинаковая колея. И шпелсели одинаковые. И батарейки для фонариков. И сахар — украинский ли, белорусский ли — одинаково сладкий.

На страже одинаковости стоит ГОСТ — Государственный общесоюзный стандарт.

Делает конструктор чертеж новой машины — и, не выдумывая ничего заново, ставит на машину винт ГОСТа такого-то из стали ГОСТа сякого-то. Остальное все уже известно: и какую нагрузку выдержит именно этот винт именно из такой стали, и сколько ему времени служить, и сколько витков на нем... И выпускает какой-нибудь специальный завод такие винты десятками миллионов штук, и рассылает по всей стране, потому что всюду такие винты нужны и совсем не обязательно каждый раз, как понадобится, затевать их производство сызнова.

Государственный стандарт — это сэкономленный труд.

Важнейшие приборы на уровне глаз. Цвет сигналов контрастен. Оператору пульта управления загрузки печей работать стало легче.

МИША И „НОВЫЕ ВРЕМЕНА“

МИша Лосев, мой сосед по дому, недавний школьник, а ныне уважаемый человек — рабочий цеха, где собирают тракторы, и студент-заочник машиностроительного института, — любит кино.

Вчера в кинотеатре старого фильма он смотрел комедию Чарли Чаплина «Новые времена».

На экране маленький неловкий человечек беспомощно метался в железном ритме конвейера. Барахтался между зубьями гигантских шестерен. Лихорадочно закручивал гайки тяжелым ключом. А потом, все еще в судорогах конвейерного ритма, закручивал вместо гаек пуговицы на пиджаках сослуживцев...

Кончился Мишин выходной, и он, как обычно, встал на сборочном конвейере на свое рабочее место.

До того, как Миша надел спецовку:

— слесарь-ремонтник проверил, не заедает ли тельфер — маленький кран, подающий тракторный мотор прямо к Мише;

— наладчик отрегулировал электрогайковерт, главный Мишин инструмент;

— приборист испытал прибор балансировки мотора — нет ли перекоса;

— специальные рабочие привезли со склада гайки, шайбы, винты и аккуратно разложили их на Мишином стеллаже.

И вот Миша надел спецовку, подключил электрогайковерт. Одна гайка, другая, третья...

Сейчас повторится история с Чарли Чаплином! Железный ритм конвейера закружит Мишу!

Нет, ничего подобного. Отложил он инструмент и взялся за балансировку двигателя, а это работа «умная», кропотливая.

Затем, через какое-то время, он снова возьмется за гайковерт.

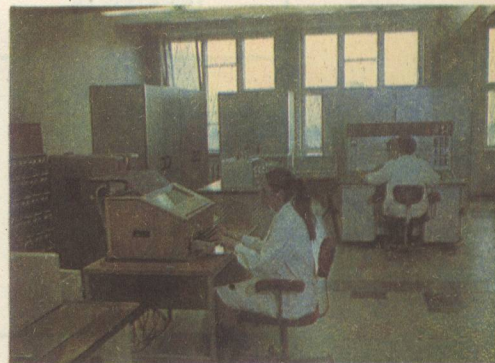
Это знатоки HOT о нем позаботились.

Инженеры разгрузили Мишу от вспомогательных операций. Не нужно ему бегать за деталями, не нужно отлаживать инструмент. Делай главное, то, на что поставлен и что лучше всего умеешь!

Но при всем том инженеры подумали, как уберечь Мишу от конвейерной монотонности. Ну-ка семь часов позаворачивай гайки! А у Миши гайки перемежаются с балансировкой.

Делая одно, он отдыхает от другого. И поэтому трудится с интересом.

Правильно разделить или совместить трудовые операции — значит обеспечить повышение производительности труда.

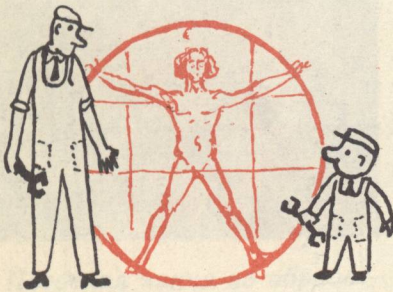
Вычислительный центр необходим при расчете сетевых графиков и особенно при их оптимизации. На многих советских крупных предприятиях вычислительные центры уже действуют.

ЕЩЕ О МИШЕ

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА
ХИМИЯ
СОПР. МАТЕРИАЛОВ
ФИЗИКА

—ФА брика или завод, — сказал совсем недавно своим друзьям выпускник Лосев. — Буду слесарить, так что прощай учебники... И ошибся.

Захотел освоить более хитрую, интересную операцию.

— Повышай разряд, — сказали ему.

Пошел в заводскую школу повышения квалификации. Открыл учебники.

Захотел участвовать в конкурсе на лучшего слесаря.

— Нужно будет сдавать теорию, — сообщили ему.

Снова открыл учебники.

Заинтересовался электроникой.

— Пожалуйста, поступай в вечерний институт, — предложили ему.

А для этого нужно сидеть за учебниками месяц напролет.

И так далее, не останавливаясь, и никогда не окажется, что ты уже все умеешь и знаешь, — с каждым годом от рабочего требуется больше и больше знаний, ему просто необходимо их получать — и он имеет возможность их получать. Тому порукою — НОТ.

КУДА ДЕВАТЬ БАСКЕТБОЛИСТОВ

СОЛЬ науки, о которой пойдет речь, — в цифрах.

Конструкторам дали задание — спроектировать новый цех. И пусть в этом цехе:

- молотки сами просятся в руку;
- работа на станке доставляет удовольствие;
- электронная машина — хозяин конвейера — не подавляет оператора.

И много других «пусть».

Стали для начала конструировать молоток. И сразу вопрос: «Какой длины делать рукоятку?»

А дальше — больше:

— Как расположить пульт управления, чтобы до него было удобно дотянуться?

— Каких размеров делать сиденье?

— Как высоко оно должно быть от пола?

Пришлось звать на помощь антропометрию.

По-русски это греческое слово означает — наука о средних размерах человеческого тела и его органов. Вот эти размеры на таблице.

Учли все, что нужно. Сконструировали. Закончили проект.

— По средним данным проектировали? — спрашивают заказчики.

— Да. По антропометрическим.

— Тогда нам ваш проект не годится. Прикажете станочников маленького роста или крановщиков-баскетболистов на работу не принимать?

Но конструкторы — люди хитрые. Улыбнулись в ответ и показали чертежи. А на чертежах — сиденья с регулировкой высоты, кабины с учетом рослых кранов-

щиков, — и так всюду, где пространство чем-то ограничено.

Иногда, впрочем, антропометрии одной не справиться. Нужна новая наука — эргономика. Антропометрия входит в эргономику только частью, кроме нее, там трудятся и психология, и физиология, и медицина.

Очень велико нервное напряжение людей, управляющих автоматизированными линиями.

В Англии, например, из-за профессиональных нервных заболеваний операторы становятся инвалидами в сорок — сорок пять лет. А готовить их долго. И, главное, здоровье людей надо беречь. Как быть?

Показатели	Средние антропометрические данные в сантиметрах	
	мужчины	женщины
Рост	168	156
Длина корпуса	78	72
» плеча	32	29
» предплечья	25	23
» кисти	18	17
» руки	75	69
» ноги	90	84

Пригласили специалистов по эргономике. И они навели порядок на щитах управления, подчинив расположение приборов тщательным рекомендациям.

Если оператор смотрит на панель, сидя за пультом, то высота пульта не должна превышать 1,2 метра.

Надписи должны быть темными — на светлом освещенном фоне. Поверхности панелей — покрыть матовым составом: нет бликов, не отвлекается внимание.

Аварийные лампочки делать красными и мигающими.

Все это, оказывается, облегчает труд оператора, снижает его утомляемость. И в результате — повышение производительности труда.

МАМА ШЬЕТ ПЛАТЬЕ

Л

язгают ножницы, крутится колесо... Шьет мама дочке платье. Даже в таком обыденном деле НОТ может сказать свое слово.

Представьте себе школьную тетрадь. Сочинение. Только вместо учителя пометки на полях делает инженер НОТ.

МАМА ШЬЕТ ПЛАТЬЕ

Лязгают ножницы, крутится колесо. Шьет мама дочке платье.

Мама нажимает ногой на педаль. Заправляет ткань под иглу. Следит за пляшущей на стерженьке катушкой ниток.

Нужно маме что-то отмерить, а портновского сантиметра под рукой нет. Встала, открыла шкаф. Опять села за машину.

Стрекочет машина кузнечиком — строчит мама швы. Ей удобно: рукава и воротник сметаны заранее.

Но вдруг машина замолчала, а в маминых пальцах замелькала иголка: забыла заранее сметать подол!

И снова простаивает машина — папа смазывает колесо.

Мама ждет.

Побежала дочка в ларек за нитками — вовремя-то не купила.

Мама ждет.

Недошитое платье висит на спинке кресла. Кстати, два слова о кресле: неудобно в нем работать, низковато, ноги затекают. А сын пока только обещает да обещает, что сделает высокий стул...

Соблюден первый принцип организации трудового процесса — принцип параллельности. Одновременно работают человек и машина.

Принцип экономии движений нарушен — рабочее место не организовано.

Принцип непрерывности выполнен — каждый последующий элемент работы является естественным продолжением предыдущего.

А здесь он нарушен!

Принцип синхронности — одновременная максимальная загрузка человека и машины — не соблюдается.

Нарушен принцип плановости и предупредительности обслуживания рабочего места.

Не разработана целесообразность рабочей позы.

Соблюдение правильных принципов и методов организации труда повышает его производительность и сберегает здоровье.

ЗЕЛЕНый ЦВЕТ СТРОИТ ТЕПЛОВОЗЫ

„СИ

ний — самолеты, а оранжевый — ракеты», — продолжите вы с иронией. Но не торопитесь потешаться!

...Вы замечали, что красный цвет вызывает невольное чувство тревоги, а на зеленом лугу или в лесу человек, наоборот, успокаивается?

...А шагали вы под бодрую музыку марша? И не становились ли под эту музыку сами бодрее?

...Или, может быть, под окном у некоторых из вас когда-нибудь работал отбойный молоток, — много ли вы прочли страниц в тот шумный вечер?

И цвета, и звуки активно влияют на человеческую психику. И в цеху, на производстве, они могут нам активно мешать или помогать.

У светофора красный свет — сигнал опасности, на станках и приборах красные деления означают аварийные режимы.

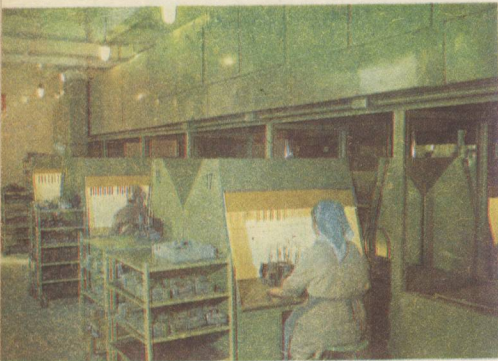
Быстрее всего человек реагирует на красный цвет.

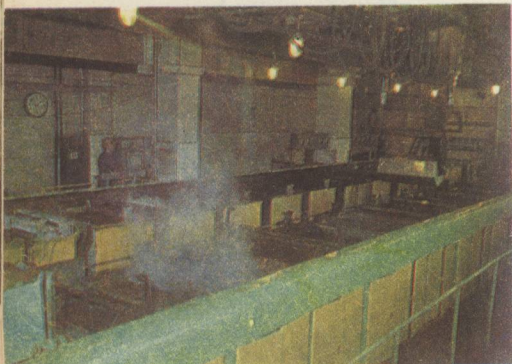

Штамповочный цех ЛОМО—Ленинградского оптико-механического объединения. На специальных сиденьях удобно трудиться человеку любого роста.

Конвейер окраски деталей. Размеренный, но не монотонный труд, — об этом позаботились инженеры НОТ.

На операциях, вредных для здоровья, работают автоматы.

А зелено-голубые, серо-зеленые, светлые бежевые тона помогают забыть про усталость, создают ощущение прохлады.

На Людиновском тепловозостроительном заводе, что в Калужской области, работники НОТ, специалисты по технической эстетике, создали нужный так называемый цветовой климат — покрасили стены цехов в светло-зеленый цвет. И производительность труда возросла на два процента! Если раньше рабочие делали, скажем, сто тепловозов в год, то теперь делают сто два!

Так зеленый цвет построил два тепловоза...

А на Пермском телефонном заводе долгое время трудилась женщина в наушниках.

Она стояла за конвейером, но не была работницей. Это старший инженер заводской лаборатории НОТ подбирал наиболее благоприятную для труда музыку.

Оказалось, что на конвейере, где работа идет в особенно высоком темпе, для каждого периода рабочего дня нужны особые мелодии: утром — бодрые, веселые, в обед — негромкие, спокойные, к концу дня — снова бодрые.

Вскоре наушники надели все сборщицы. Попробуйте теперь отключить музыку! В радиоузел немедленно явятся из цеха делегаты и потребуют продолжать программу!

Так и искусство помогает инженерам НОТ.

КАК УКРАЛИ ТЕЛЕВИЗОР

ДО будиться Петрова будильник не смог. Петров проспал начало работы. Проспал, не огорчился и пошел играть в домино.

Именно в те минуты, когда во дворе в обществе дошкольников и пенсионеров он стучал костяшками, — именно тогда он и украл телевизор.

Петров на сборке телевизоров припаивает второй и третий узлы блока. Его сосед по конвейеру — третий и четвертый. Нет Петрова на работе. Кем заменить его? Все заняты... И пришлось мастеру просить соседа делать две пайки вместо одной.

Сосед добросовестный, но ведь одному за двоих не сработать! И пришлось пустить конвейер чуть тише. Чуть тише пошел конвейер и сошло с него на один телевизор меньше.

Строжайшая трудовая дисциплина — без нее невозможен никакой НОТ!

* * *

Вот и сыграна гамма НОТ — Научной Организации Труда. Мы не брались проиграть всю «симфонию» — чтобы понять ее глубоко, нужны годы труда и опыта.

НОТ — одно из первых важнейших дел, за которые всерьез взялась молодая Советская власть.

В 1921 году был создан ЦИТ — Центральный институт труда. Возглавил его ученый и поэт, общественный деятель и инженер Алексей Капитонович Гастев.

Горячо поддержал создание ЦИТа В. И. Ленин. Гастев вспоминал:

«Это было 3 июня 1921 года. Я был вызван к часу дня. Еще проходя через приемную Совнаркома, я увидел, что на стене было вывешено «Как надо работать» (цитовская памятка). В кабинете ровно в час Владимир Ильич уже ждал...

Владимир Ильич припомнил наши встречи, которые предшествовали настоящему разговору, и указал, что вопросы организации труда это есть самое главное, которое нужно теперь проводить, а потом начал говорить о том, что дело надо обставить хорошо, что оборудовать нужно так, как это нужно для Советской трудовой республики...»

Памятка «Как надо работать» начинается так:

«МЫ ПРОВОДИМ НА РАБОТЕ ЛУЧШУЮ ЧАСТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

НУЖНО ЖЕ НАУЧИТЬСЯ ТАК РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ РАБОТА БЫЛА ЛЕГКА И ЧТОБЫ ОНА БЫЛА ПОСТОЯННОЙ ЖИЗНЕННОЙ ШКОЛОЙ».

А кончается памятка так:

«ХОТИМ БЫТЬ

НЕ ТОЛЬКО АГИТАТОРАМИ,

НО И

КОНСТРУКТОРАМИ КОММУНИЗМА!»

Хорошие, нестареющие слова.

САМИМ УВИДЕТЬ, САМИМ УСЛЫШАТЬ, САМИМ НАЙТИ

Под таким девизом путешествие юных «искровцев» продолжается по Украине

Кто такая Мария Федоровна?

В Полтаве мы оказались не случайно. Еще в Ленинграде мы прочли «Воспоминания Н. К. Крупской о В. И. Ленине»:

«... В 1896 году я была в Полтаве...» «Я ездила в Полтаву в связи с подготовкой первого партсъезда».

И вот летом прошлого года мы, юные «искровцы» Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова, следуя маршрутом своей Третьей экспедиции, добрались до Полтавы. Полтава — важный искровский пункт. Знаем, что здесь бывала Надежда Константиновна Крупская. У кого останавливалась? С кем встречалась? Эти-то вопросы нас и волновали.

У нас на Полтаву — по плану — оставался один-единственный день. А что можно успеть за какие-то двенадцать часов?

Идем в краеведческий музей. Тут нам показали фотографию дома, где жила Крупская во время приезда, даже письменный стол, за которым она работала, ее кресло, стенные часы.

Кто все это передал музею? — Родственница Крупской, Мария Федоровна Давидович-Нащинская.

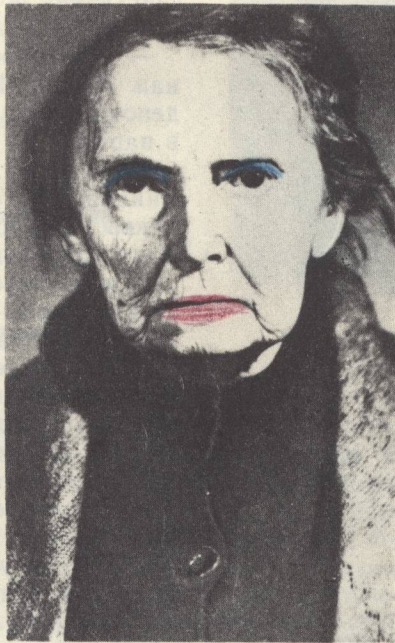
И вот мы в гостях у Марии Федоровны.

Хозяйке лет восемьдесят, она хорошо выглядит, быстро двигается и приветливо здоровается с нами.

— С семьей Крупских знакома была... — начинает свой рассказ Мария Федоровна, — очень-очень долго. Надежда Константиновна еще девочкой гостила в семье моего отца, своего дяди, а его первая жена была родной сестрой ее матери. Меня, младшую, Надежда Константиновна очень любила и баловала, а мою сестру Надю крестила, как тогда полагалось.

„... двоюродная сестра служила в адресном столе...“

Из пачки фотографий Мария Федоровна берет одну, на ней запечатлена милостивая девушка — Саша Исполотова. Это двоюродная сестра Надежды Константиновны.

Мария Федоровна
Давидович-Нащинская

— Летом 1896 года, когда наша семья уже жила в Полтаве, Саша без всякого предупреждения приехала к нам из Петербурга. Побывала у нас немного и уехала домой. Ее прислала Надежда Константиновна как бы на разведку и для подготовки своего предстоящего визита.

Саша Исполотова работала в то время в адресном столе в Петербурге. В своей книге «Воспоминания о В. И. Ленине» Н. К. Крупская пишет: «Тотчас же (после возвращения В. И. Ленина из-за границы 29 сентября 1895 года — С. Р.) за Владимиром Ильичом началась бешеная слежка... У меня двоюродная сестра служила в то время в адресном столе. Через пару дней после приезда Владимира Ильича она рассказывала мне, что ночью, во время ее дежур-

ства, пришел сыщик, перебирал дуги (адреса в адресном столе наदेвались по алфавиту на дуги) и хвастал: «Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова, — брата его повесили, — приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Зная, что я знаю Владимира Ильича, двоюродная сестра поторопилась сообщить мне об этом. Я, конечно, сейчас же предупредила Владимира Ильича. Нужна была сугубая осторожность».

— Вскоре после отъезда Саши Исполотовой, — продолжила свой рассказ Мария Федоровна, — к нам, в дом на Дворянской улице, приехала из Харькова и Надежда Константиновна. На ней был темно-синий костюм, на голове шапочка, а в руках небольшая сумка.

Рассказывая, Мария Федоровна рисовала план дома и на нем показала, в какой именно комнате поселили Надежду Константиновну.

— Расспросам не было конца. Всех нас интересовали питерские новости.

— Надежда Константиновна даже не отдохнула с дороги и сказала моим родителям, что

Двоюродная сестра
Надежды Константиновны —
Саша Исполатова

хочет пройтись. Тогда моя мать, критически осмотрев гостью, вынесла кружевной казакин ручной работы: «Возьми, Надя, и носи! А то ты очень заметна в своем костюме. А в этом казакине не будешь так выделяться».

Мария Федоровна достала из шкафа аккуратный сверток, и мы увидели этот знаменитый казакин.

— Крупская все дни его носила. С тех пор он хранился в нашей семье как реликвия.

Родители пустили меня с Надеждой Константиновной в парк, чтобы я провела ее к прудам. Мы быстро спустились к первому пруду и сели на скамейку...

Мы внимательно слушаем Марию Федоровну, боясь упустить какую-нибудь подробность.

— И вдруг, — продолжает вспоминать Мария Федоровна, — Надежда Константиновна протянула мне свисточек из вербы и попросила посвистеть. Посвистеть? Свищу что есть мочи. И вот на свист приближается к нам человек в железнодорожной форме и говорит:

— Мир хижинам!

— Война дворцам! — отвечает Надежда Константиновна, берет из сумочки деревянную трубочку и вручает ему. Железнодорожник молча уходит.

— Надежда Константиновна снова дает мне свистульку. Мне это нравится... И опять появляется человек. Теперь молодой. Без головного убора.

— Война дворцам! — говорит он тихо.

— Мир хижинам! — слышит в ответ. И то-

же получает деревянную трубку с буквой «в» на ней.

Я свистела так, что в ушах звенело. Вскоре к нам подошел третий незнакомец.

— Дружба! — сказал он, но, взяв от Крупской трубку с буквой «д», уходит медлил.

— Вы должны мне что-нибудь передать? — спросила его Надежда Константиновна.

— Он придет! — коротко ответил тот.

Надежда Константиновна подарила мне свистульку, и мы отправились домой. Видели этот подарок в музее?

— Наверное, вас удивило, — обратилась к нам Мария Федоровна, — как я, маленькая девочка, запомнила все, что произошло тогда в парке.

Дело в том, что в нашей семье не раз вспоминали этот случай. Отец объяснил мне, что буквы на трубочках — начало пароля для тех, кому предназначалась трубочка.

С кем встречалась в парке Надежда Константиновна? Может быть, со связными полтавских социал-демократов?

Сама Надежда Константиновна посетила тогда одного видного полтавского врача и общественного деятеля Волкенштейна и передала ему письмо от его жены, заключенной в Шлиссельбургской крепости.

— На второй день после ее приезда моего отца вызвали в полицию. Допрашивали, кто и зачем к нему приехал. Он ответил, что приехала племянница, учительница из Петербурга, на каникулы, давно не виделась. Вроде бы убедил.

Нам удалось в московском архиве найти материалы, которые подтверждают, что поездка Крупской в Полтаву не осталась незамеченной жандармами. На допросе 10 сентября 1896 года Н. К. Крупская показала:

«Прошлое лето (1896 год) я получила отпуск на один месяц с 15 мая по 15 июня и вместе с матерью моей поехала в Полтаву, оттуда возвратилась в Петербург около 13 июня, одна, без матери, и поселилась на углу Невского и Литейного в меблированных комнатах, где проживала до приезда матери, всего в общем около месяца, а затем мы наняли квартиру на Верейской улице в доме 24, кв. 4, и переехала я туда вместе с матерью около 10—12 июля, где и проживала до моего ареста».

Так из этого архивного документа мы узнали дату поездки Надежды Константиновны в Полтаву и два новых ее адреса.

Эту сценку нарисова

„...Жил-был у бабушки серенький козлик...“

— Надежда Константиновна очень любила детей, а меня, как самую младшую, больше всех. Влезу, бывало, к ней на колени и жду, когда она расскажет сказку, — продолжала вспоминать Мария Федоровна. — Как-то вечером Надежда Константиновна пропела мне песенку «Жил-был у бабушки серенький козлик». Я расстроилась, почему же козлик не защищался, ведь у него есть рожки... Надежда Константиновна рассмеялась, взяла лист бумаги и нарисовала упрямых козликов.

Мария Федоровна сняла с полки папку, вынула небольшой рисунок.

— А этот футляр от записной книжки с надписью «Кавказ» я нашла на полу уже после отъезда Крупской.

Мы живо представили себе, как Надежда Константиновна делала карандашиком в своей книжке внешне безобидные, но ей одной понятные зашифрованные записи.

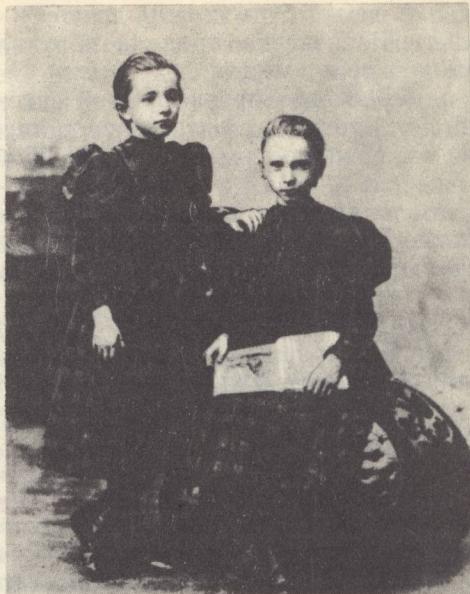
— Карандашом она писала мало, чаще — ручкой и очень аккуратно вытирала перо.

...Какой же ты конспиратор!..

— Четыре большие деревянные пуговицы на металлических цепочках относятся уже к другому приезду Надежды Константиновны в Полтаву, — пояснила Мария Федоровна. — Вероятно, в 1900 или 1901 году. Приехала Надежда Константиновна тогда к нам ночью и сказала отцу, что Елизавету Васильевну оставила в Петербурге, а сама остановится у нас. Причем она доехала лишь до станции Свинковка и шла пешком верст восемь. За Надеждой Константиновной была слежка еще из Петербурга. От Свинковки ее привел к нам какой-то железнодорожник. Всю ночь проговорила наша гостья с моими отцом и матерью, а с рассветом собралась в путь. Вот тут-то отец и обратил внимание на слишком приметные пуговицы на пальто Надежды Константиновны.

— Какой же ты, Надя, конспиратор! — пожурил он ее, и пуговицы решено было заменить.

Надежда Константиновна попрощалась и ушла на Сортировочную.

Сестры Давидович-Нащинские. —
Надя и Мария

В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская пишет об этом периоде: «Еле дождалась я конца ссылки (срок ссылки заканчивался 11/24 марта 1901 года), а тут и писем от Владимира Ильича долго не было.

... Заезжали с мамой к Марии Александровне — матери Владимира Ильича... Из Москвы отвезла я свою мать в Питер, устроила ее там, а сама покатила за границу».

Перед своей экспедицией мы изучали переписку редакции газеты «Искра». Из двадцати шести писем редакции «Искры» в Полтаву двадцать одно написано Крупской. Интерес ее к этому городу не был случайным: там устанавливались связи с местными социал-демократами. В Полтаве работали тогда видные агенты «Искры» — Н. Э. Бауман, И. В. Бабушкин, П. А. Красиков. Ведь именно в Полтаве потом организовали склад искровской литературы и оттуда рассылали ее по всей России.

... Елизавета Васильевна приезжала в Полтаву...

Ручкой матери Надежды Константиновны — Елизаветы Васильевны Крупской на обороте ее портрета 1890 года сделана забавная надпись: «Тетя, дай Мне бобо». Мы внимательно рассматривали эту фотокарточку и надпись. Это совсем неизвестный портрет матери Надежды Константиновны.

— Надпись, — поясняет Мария Федоровна, — предназначалась моему старшему брату Мише, который в детстве так всегда просил конфет...

— Елизавета Васильевна приезжала в Полтаву несколько раз. Самый памятный ее приезд — перед Шушенским.

— Жилось Крупским тогда очень трудно.

Надежда Константиновна

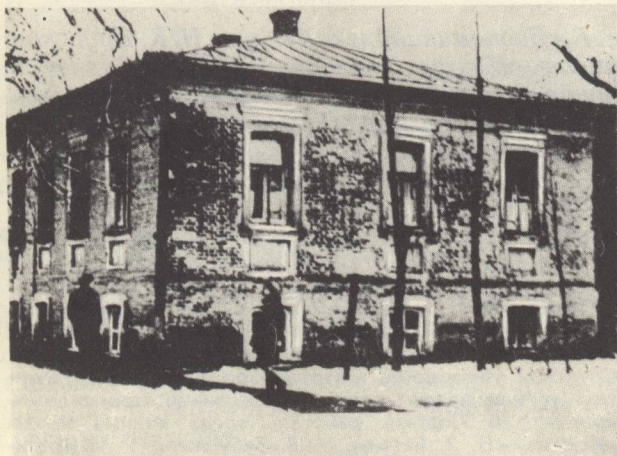
Чтобы хоть чем-нибудь помочь дочери и зятю, Елизавета Васильевна продала обручальные кольца — свое и мужа.

Мария Федоровна прервала свой рассказ и, став на стул, достала с антресолей полированное медное распятие, высотой около 25 сантиметров.

— Это подарок польских повстанцев отцу Надежды Константиновны — Константину Игнатьевичу, тогда офицеру, за помощь, которую он им оказал. Двум повстанцам — жителям Варшавы — Константин Игнатьевич помог перейти границу. Когда Елизавета Васильевна уезжала в Шушенское, она привезла этот своеобразный сувенир в Полтаву и попросила сохранить его.

„...пришла полтавская Маруся...“

В ноябре 1917 года, закончив в Петрограде курсы, я зашла в Смольный попрощаться с Н. К. Крупской. Дома оказался и Владимир Ильич.

Дом Давидович — Наизнских,
в котором останавливалась Н. К. Крупская

— Надюша, — спросил он, — это пришла полтавская Маруся?

— Да, — ответила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич поздоровался, стал расспрашивать меня. Я рассказала, что получила диплом и теперь владею двумя иностранными языками.

— Это очень хорошо, — сказал он. — Нам образованные люди очень и очень нужны.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, видимо, куда-то торопились. Вскоре Владимир Ильич пожелал всего хорошего, пожал руку и, выходя, сказал:

— Надюша, я пошел, не задерживайся, пожалуйста.

Мы поговорили с Надеждой Константиновной. Она позвонила на вокзал коменданту. Там меня устроили в кондукторский вагон, и я уехала в Полтаву. Встреча запомнилась мне навсегда. И всю жизнь я старалась работать так, как мне пожелал работать Владимир Ильич.

„...сохранилось два письма...“

— У меня сохранилось два письма Надежды Константиновны, — сказала Мария Федоровна. — Третье пропало во время войны. Это

все, что осталось от многолетней переписки, — печально сказала она.

— Наша переписка с Крупской продолжалась и в годы эмиграции Надежды Константиновны, и после Октябрьской революции.

— Время от времени моего отца вызывали в полицию и требовали прекратить связь с «политическими преступниками».

— Я политикой не занимаюсь, — настаивал он, — я переписываюсь с родственниками. Однажды, потеряв терпение, заявил: — Вы ведь прекрасно знаете, что в моих письмах нет никакой политики, а только семейные но-

восте. — Этим он намекал на то, что письма вскрывались полицией.

Эти два письма относятся к первым годам советской власти. В одном говорится о деньгах.

«Милая Мавра Александровна, я видела Сашу Исполатову, и она рассказывала мне о Вашем тяжелом положении.

Насчет перевода Маруси на другую работу — службу — ничего не могу поделать, к сожалению.

Рисунок Н. Кустова

Посылаю немного денег.

Конечно, это не исход, но, может быть, можно будет купить что-нибудь из одежды и усилить питание временно.

Известите, пожалуйста, о получении (я как-то раз посылала деньги, но ответа не получила) денег.

Передайте мой привет Наде и Марусе.

— Надежда Константиновна чем могла помогала нам.

— В 1935 году моя сестра Надежда Федоровна заехала в Москву и была у Н. К. Крупской, ее приветливо встретили и устроили на лечение.

— Помню, сестра рассказывала, как обрадовалась Надежда Константиновна подарку — своей детской карточке, которую привезла сестра из Полтавы. — Мария Федоровна показала копию известной фотографии Нади Крупской лет восьми, сделанную в Киеве.

— Когда поедете в Киев, — сказала нам на прощанье Мария Федоровна, — постарайтесь найти дом, где жили Крупские. Где-то на Подоле.

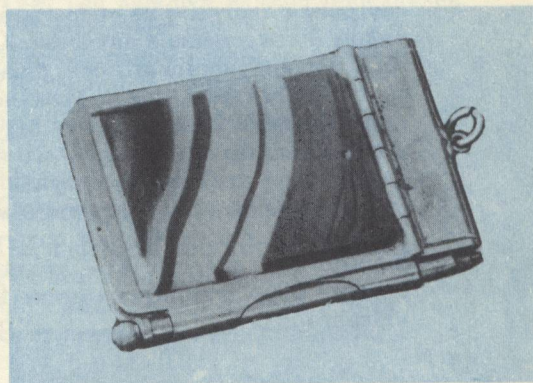
К сожалению, никто в Киеве, с кем нам приходилось разговаривать, не знал, где жили Крупские, где помещалась школа на Крещатике, в которой начинала учиться маленькая Надя Крупская. Это еще предстоит выяснить.

К концу нашей встречи на столе выросла горка бесценных реликвий. Как удалось их сохранить?

Мария Федоровна объяснила нам:

— Во время фашистской оккупации Полтавы я надежно упаковала свои ценности и спрятала их в сарае. Рисунок Надежды Константиновны лежал в какой-то немецкой книге в шкафу и поэтому не вызвал подозрения.

Беседа с гостеприимной хозяйкой закончилась уже нашим рассказом о поисках и находках юных «искровцев», выставках, конференциях, походах. Тогда-то Мария Федоровна передала все свои реликвии в дар будущему нашему музею.

Записная книжка Надежды Константиновны

Как поступить с этими драгоценными вещами и документами? Много было предложений, споров. Решили попросить дирекцию Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина отвести комнату для найденных материалов о Надежде Константиновне Крупской. Экскурсоводами там хотят быть «искровцы».

Рассказал о поездке ребят
руководитель «искровцев» С. А. Рубанов

ОТ РЕДАКЦИИ

В январе в Ленинград съехались следопыты на Вторую конференцию, посвященную 70-летию со дня выхода первого номера Ленинской газеты «Искра». Юные «искровцы» из Киева, Харькова, Одессы, Кишинева, Каунаса и Смоленска.

Новые экспонаты — результат поисков «искровцев» — собраны теперь в мемориальной комнате Н. К. Крупской в Ленинградском филиале Музея Ленина.

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

Войска Ленинградского фронта, освободив город-герой от блокады, двигались на запад. Немцев гнали до Нарвы, здесь они заняли жесткую оборону, а мы начали копить силы для нового удара. Я — в то время молодой политрук — находился со своей частью в правобережном предместье Нарвы, носившем древнее название Ивангорода. Эту крепость воздвиг здесь Иван III, великий князь Московский, в противовес ливонской цитадели Нарве. Это было давным-давно, еще в XV веке, а сейчас от крепости оставались лишь руины, напоминавшие о ее славном прошлом.

В те зимние дни 1944 года история, казалось, повторялась. Советские войска стояли в Ивангороде, там, где несли службу русские дружины давних времен, а напротив высились крепостные нарвские стены, где засели потомки ливонских псов-рыцарей. Во мне всегда жило острое и тревожное чувство истории, тесно соприкасающееся с ощущением

современности, и из этого выросло представление о значительности событий, свидетелем и участником которых я был. И родились стихи.

Тема определила их язык. Соединение «старословья» и «новоречья» произошло и сознательно, и интуитивно. Ощущение истории я попытался передать через словесную ткань, сквозь которую просвечивали «пламена» старинной речи. В давние времена произносили не «снега», а «снеги», не «ветра», а «ветры», не «берег», а «брег», и я воспроизвел это в стихах, дав рядом и современное звучание. Слитность прошлого и современности читатель мог почувствовать без добавочных пояснений.

Наши солдаты «Иван Миллионный» — оказались сильнее, умелее и удачливее давнего Ивана III, он так и не сумел перешагнуть через реку Нарву и заботился лишь о защите его правого берега. Но моих современников воодушевляла куда более могучая идея освободить от немецко-фашистских захватчиков не одну русскую землю, а все советские земли, а затем и народы Европы, задыхавшиеся под гитлеровским ярмом. С этой идеей мы и дошли до Берлина, где я — тогда совсем молодой парень — оставил, среди других, свою подпись на стене Рейхстага. Такова история стихотворения «Ивангород».

С Наровчатова

ИВАНГОРОД

Словно волны, толпились кровли,
И, как птиц красноперых стаи,
Цвета ярой и буйной крови
Рвались в небо червленые стяги.

А по стенам дозором ходило
Больше сотни сильных и рослых,
И в глазах чужеземцев рябило
От стрелецких кафтанов пестрых.

Чтоб вовек не посмел ливонец
Русской воле грозиться игом,
Частоколом башен и звонниц
Князь Иван здесь крепость воздвигнул.

Не ветра оведали, но ветры,
Не снега заносили, но снега

1944

Этот город, грозный и светлый,
На высоком срубленный бреге.
Там, где каждый камень прославлен
В старословье и новоречье,
Я прошел мимо дымных развалин,
По следам небывалой сечи.

Я прошел по дороге мести,
Где, сквозь через чадное пламя,
Надо мной старинная песня
Опаленными била крылами.

Где опять, вперекор лихолетьям,
Ивангород в древнее лоно,
Об Иване не вспомнив Третьем,
Возвратил Иван Миллионный!

Гравюры В. Бендингера

Я — ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

Роберт Балаиовский

ПОВЕСТЬ*

Рисунки Ю. Шабанова

Манежем в цирке называют арену.

Я — режиссер-инспектор манежа Ленинградского цирка.

Может быть, вы заметили меня. Весь вечер я во фраке с белой манишкой стою за барьером во главе униформы. Даю короткие указания, наблюдаю установку аппаратуры, слежу за полетами воздушных гимнастов и отвечаю на шутки клоунов. Словом, делаю все, что полагается

* Написана в содружестве с писателем Арк. Минчковским.

делать во время представления режиссеру-инспектору, или, как их издавна именуют во всем цирковом мире, шпрыхталмейстеру, а сокращенно, по-закуливному — шпрыху.

Но прежде чем зажгутся огни над манежем и в празднично украшенном цирке начнется представление, вечером, в начале восьмого, в невидимых зрителям коридорах здания на Фонтанке, в актерских гардеробных, на конюшне, в оркестре и осветительской регуляторской оживают динамики.

— Внимание!.. Добрый вечер, то-

варищи! Через несколько минут мы дадим третий звонок. Прошу всех участников пролога спуститься вниз и приготовиться к выходу. Георгий Петрович Россини, готовьте лошадей. Униформисты, по своим местам!

Отдав по радио это первое приказание, я выключаю микрофон и гляжусь в зеркало. Затем я выхожу из своего маленького кабинета и одновременно гардеробной. Манеж рядом, за тяжелым шелковым занавесом, который у нас зовется форгангом. Там, за ним, ожидая начала представления, гудит переполненный

цирк. Скоро вспыхнут мощные огни, дирижер взмахнет палочкой, грянет оркестр, и мы начнем...

Уходит последняя минута. У форганга замерли артисты. Здесь глашатай на коне, гимнасты в своих изящных трико, смуглотелые акробаты, наездницы в легких, как дым, пла-

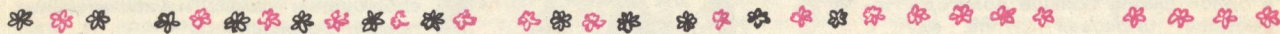
тьях, подтянутые дрессировщики зверей, жонглеры в отделанных блестящими светлых костюмах.

Сейчас, сейчас мы под звуки браурного марша выйдем приветствовать зрителей и зрители будут аплодировать нам.

Так каждый вечер. И сколько бы их

ни прошло, в эту минуту меня охватывает волнение. Все ли у нас хорошо? Как сегодня пойдет программа? Останется ли довольным наполненный взрослыми и детьми огромный зал?

Последним в прологе выхожу я. И представление начинается.

10.00

С утра до вечера

В десять часов утра я выхожу из дому. Живу я на улице Жуковского. Это минутах в десяти ходьбы от цирка, и в любую погоду я проделываю путь пешком. Если это зима — в нашем городе только светает.

За мостом через Фонтанку вижу знакомое круглое здание цирка. Перед подъездом и на крыше не сияет сейчас цветная реклама. Здание цирка обычно и не празднично.

Приближаясь к нему, я думаю, чем мне сейчас придется заняться. Нужно зайти к директору и рассказать, как вчера прошло представление. Потом посмотреть новую сценку, которую подготовили и обещали мне показать клоуны Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. Еще надо заглянуть к укротителю хищников и узнать, был ли доктор и не стало ли лучше заболевшему два дня назад тигру... Скоро Новый год, будет елка для детей. Три представления в день... Нужно проверить в костюмерной, готова ли шуба Деда-Мороза. Дел больших и малых с утра набирается множество.

Над широкими стеклянными дверьми смотрят на меня из каменных колец скульптурные головы цирковых лошадей. Мне кажется — лошади сейчас кивнут и скажут: «Здравствуй!» Наверно, так же они здороваются с каждым идущим в цирк и рады ему. Эти лошадиные головы здесь очень давно. Почти столет прошло с тех пор, как в Петербурге у Симеоновского моста, ныне моста Белинского, был построен цирк. До самой Октябрьской революции, да и чуть позже, он назывался цирком Чинизелли.

Цирк на Фонтанке построил архитектор Василий Кенель, а хозяином его и директором был прижившийся в России итальянец — потомственный цирковой артист, наездник Гаэтано Чинизелли.

Петербургский цирк Чинизелли был построен не для бедняков.

Сюда, к освещенному газовыми рожками, а позже электричеством, подъезду подкатывали кареты и шикарные пролетки. Из экипажей выходили нарядно одетые женщины, бордачи в богатых шубах и шинелях с золотыми эполетами. В дни утрен-

ников — дети с гувернерами и боннами.

«Чистая» публика направлялась в сияющий светом хрустальных люстр партер цирка. Здесь вместо первых рядов были ложи. За ними поднимались ряды кресел, обитых красным бархатом и отделанных золотом. Далее снова ложи. Еще выше, за загородами, стояли твердые скамьи для публики небогатой. Под самым куполом находилась галерка. Тут не было и скамей. Представление смотрели стоя. Пройбейся сквозь облепившую барьер толпу и увидишь, что делается на арене. Нужно, однако, сказать, что детей всегда пропускали к самому барьеру.

Через главный вход всю эту публику не пускали. На свои места зрители верхних мест могли попасть только с боковых подъездов по узкой лестнице. Вход в фойе бельэтажа, посередине которого был фонтан, а также за кулисы для осмотра зверей, — что тогда позволялось за особые деньги, — для зрителей с деревянных скамей и галерки был закрыт.

В воскресные и праздничные дни устраивались детские представления. Артисты раздавали заранее приготовленные подарки. Но подарки вручались только тем, кто обладал билетом в ложи и партер.

И программа в цирке Чинизелли создавалась такой, чтобы могла понравиться тем, кто сидел в бархатных креслах. Больше всего было конных номеров. Выступали жокеи и наездницы. Да и понятно: места в ложах нередко занимали владельцы конюшен отборных рысаков. Им ли было не оценить достоинства конных групп и отдельных красавиц лошадок.

На манеже петербургского цирка выступали прославленные артисты. Главным образом, иностранцы. Если же выходил русский, он должен был называться по-иностранному. Чаще всего на итальянский манер. Ведь итальянцы считаются родоначальниками современного цирка. Когда удавалось выступить русскому клоуну, он становился каким-нибудь Жаном или Мишелем и, выбегая на арену, нарочно коверкал язык, кричал:

— Трастфуйте уфажаемы пупликум! Я приехал к фам из Париш...

На поверку же Жан оказывался Иваном Ивановичем из Одессы, а Мишель обыкновенным Мишей из Ростова.

Но что поделаешь. Иностранное было в цене. Придуманная фамилия облегчала путь на арену.

Были, однако, и такие, кто не соглашался поменять свое подлинное имя, хоть и на благозвучное, но неродное. Например, братья Дуровы, Анатолий и Владимир, — замечательные дрессировщики зверей и превосходные клоуны. Они отдали искусству цирка не мало лет жизни. Известность Дуровых перешагнула далеко за рубежи нашей страны.

Словом, надо было быть Дуровым, или, скажем, непревзойденным в мире прыгуном, первым сделавшим двойное сальто в воздухе, Сосиним, чтобы выйти на манеж цирка Чинизелли с русской фамилией.

Начало одиннадцатого, но я не особенно спешу. Пусть артисты начнут свои тренировки на манеже. Я войду незаметно и усядусь где-нибудь повыше в рядах или встану в стороне. Артисты не любят, когда за ними следят на репетициях, и я не собираюсь никому мешать.

А пока, ненадолго, внимание мое привлекают фотографии отдельных номеров программы. Они выставлены в витринах при входе. Тут превосходная группа акробатов-прыгунов. Даже на снимке можно увидеть, какую отличную работу они демонстрируют на арене. В номере участвуют артисты-дети. Младшему из них десять лет.

Участие на манеже юных в цирке не диво. Большая акробатическая группа вообще редко обходится без детей.

Ах, сколько зависти вызывали во все времена у маленьких зрителей их сверстники на арене! Ведь недаром в цирк, как в матросы, бежали отчаянные головы из добропорядочных семей.

Теперь в нашей стране в цирк не сбегает никто. Да и какой смысл? Прибежишь, а мы спросим, кто такой, откуда явился, да и уговорим

вернуться домой, а с утра пойти в школу. Потому что и наши юные артисты обязательно учатся в обычных советских школах и должны их закончить. Такой у нас в СССР закон для всех.

Может быть, и в вашем классе занимались ребята из цирка. Правда, обыкновенно они не задерживаются в одной школе больше полугода. Переезжает цирковая группа, едут с нею на новое место и дети-артисты. Ведь это, как правило, сыновья и дочери тех, с кем они выступают на мейнеже.

Вот тут и поймешь, до чего же трудно приходится юным участникам номера. После школы обязательно репетиции-тренировки, а вечером представления. По воскресеньям дается их и два-три. Когда же делать уроки? Прикинешь и подумаешь — стоит ли завидовать и бежать из дому в цирк.

Но как бы ни было трудно детям

в цирке и в наше время, редкий выходец из цирковой семьи не мечтает пойти по стопам родителей. Стать артистом во что бы то ни стало, и не хуже, чем отец или мать.

Теперь в цирковом коллективе никто не даст детей в обиду, никто не позволит их переутомлять. Работать на арене им разрешается лишь при соблюдении самых неукоснительных правил безопасности.

Но прежде... Кого, кроме матери или отца, близко задевала судьба какого-нибудь попавшего в цирк полуграмотного мальчонки? Сколько их покидало арену калеками, сколько находило в цирке свой конец!

Читали ли вы повесть Григоровича «Гуттаперчевый мальчишка»?

Так вот, и я когда-то в дореволюционной России был таким же «гуттаперчевым мальчишкой». Ну, может быть, не совсем таким, потому что у каждого мальчишки в цирковой труппе была своя судьба.

В старом Киеве

Я был киевским мальчишкой.

Киев считался губернским городом.

Теперь в метро с одного конца города в другой можно попасть в течение пятнадцати минут, а в те времена от деревянного вокзала на окраине, какого теперь нет и в помине, до дома, где я жил, киевский извозчик тащился с горы на гору час-полтора.

Мне исполнилось всего три года, когда умерла моя мама. Я остался на попеченье бабушки. Как и всякая бабушка, она, конечно, любила внука. Мой отец был скромным служащим в конторе металлической фабрики Феляузера. Жалование получал небольшое, и ему приходилось, чтобы заработать, оставаться в конторе допоздна. Я отца видел мало. Но с бабушкой мы дружили, и попадало мне от нее редко. Разве только когда я приходил домой израненный в боях с «бледнолицыми», да еще запомнилось, как здорово влетело однажды, когда явился с разодранными о сук штанами.

Чтобы играть в «индейцев», в Киеве хватало и садов и пустырей. Главное, нужно было уметь стрелять из лука. Мы устраивали «засады», прятались в листве кустарника, внезапно нападали на «врагов» и обращали их в бегство. Наши стрелы с посвистом пронеслись над головами и врезались в кору каштанов. Я был одним из тех, кто лучше и быстрее всех влезал на деревья и оттуда разил противника.

Забраться на любой сук для меня почти не составляло трудностей. Важно было подняться как можно выше. Обязательно выше всех. Влезу почти на верхушку, где ствол уже начинал покачиваться от моей тяжести, и подаю воинственный клич, призывая за собой самых смелых. Сам я высоты не боялся.

Мое верховодство в игре в краснокожих чуть не кончилось печально. Стрела, пущенная одним из мальчишек, угодила мне в глаз. Я взревел от боли, из глаза ручьем потекла кровь. Я перестал что-либо видеть и перепугался насмерть. Не меньше меня напугавшиеся товарищи повели меня домой. Бабушка не растерялась, промыла мне глаз и остановила кровь. Скоро выяснилось, что стрела в глаз не попала, а вонзилась у само-

го уголка, в переносицу. Шрамчик на этом месте у меня сохранился до сих пор. Можно сказать, что я тогда чудом не лишился глаза.

Когда мне сняли повязку и я увидел, что смотрю на мир по-прежнему, я решил, что уже большой и пора перестать носиться с луком по пустырям и рвать штаны на деревьях.

Ведь как-никак я уже ходил в приготовительный класс и носил форменную гимназическую фуражку.

И тут мне необыкновенно повезло. Отец, видя мои спортивные наклонности, устроил меня в клуб «Сокол». Было до революции такое добровольное спортивное общество, в котором за небольшие деньги могли заниматься те немногие, кто без гимнастики уже не мог жить. Бабушка была рада, что я тут под присмотром, а занятый своими делами отец не обращал внимания на то, что, увлекшись турниками и кольцами, я не особенно-то старался на уроках в гимназии, так что четверки в моем дневнике были, что называется, гостями по большему празднику.

Эти первые годы серьезных занятий спортом и стали для меня последним временем счастливого и безоблачного детства.

Я учился во втором классе, когда мой отец вторично женился. К нам в дом вошла вдова с сыном.

Я ничего не имел против появившегося у меня брата. Сказать проще, он меня мало интересовал. Мне было не до него. Что же касается мачехи, то первое время она, казалось, относилась ко мне неплохо и ничем не отделяла от своего сына.

Но скоро я увидел, что это совсем не так. Ну уж пусть я не видел от нее ласки. Я же понимал теперь, что моей мамы нет, а чужая мне ее не заменит. Но вот когда за завтраком мачеха моему сводному брату наливала сливок, а мне снятого молока, ему давала кусок ситного калача, а мне серый хлеб, делалось обидно до слез, хотя обжорой я никогда и не был.

Кто мог защитить меня от несправедливости? Конечно же, только мой родной отец. И вот однажды я, оставшись с ним один на один, рассказал о своих бедах.

Я терпел долго, потому что боялся — отец рассердится, в доме будет шум и я буду его причиной. Но вышло совсем не так. Отец посмотрел на меня и сказал: — Я тебе не верю. Этого не может быть. Тебе просто не нравится, что ты теперь не один и все делается не только для тебя.

Я не стал ему доказывать правды. На душе было горько. Я решил, что мне пора уйти из дому, раз и мой родной отец не хочет за меня заступиться.

Но куда уйти? Где жить, кто станет меня кормить? Как ни был я еще юн, а понимал, что прожить на свете одному не так-то просто.

10.30

Примерно в половине одиннадцатого я прохожу через служебный вход с набережной Фонтанки.

Меня встречает издавна знакомый запах цирка. Нет, это не запах конюшни, как считают многие. Это десятилетиями устоявшаяся смесь: запах хищников, опилок, которыми усыпается манеж, сена, пудры и лака и еще многого, что трудно уло-

вить. А в целом это именно запах цирка, родной и необходимый каждому, кто провел здесь годы и годы и кто станет скучать без него, как скучает по соленым ветрам рыбаки, как тоскует засидевшийся в городе охотник по осенним запахам леса.

Прежде чем пройти в свой кабинет, я непременно заглядываю на манеж, где при скудном рабочем

свете идут не сопровождаемые музыкальной репетиции. За барьером — бархатная обивка его прикрыта чехлом — темнеет огромная чаша цирка. Сколько бы ни прошло лет, я не могу хоть на миг не посмотреть на убегающие кругами под купол ряды.

Сколько увлекательного, прекрасного и опасного таит так мирно застывший до вечера цирк...

С чего все началось

Для меня цирк — все.

Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы однажды я не попал в киевский цирк.

Наверно, отец не так уж плохо ко мне относился, если взял и повел меня на цирковое представление, зная, что доставит мне радость.

Да, отец это, конечно, знал, а вот к чему в дальнейшем приведет наше с ним посещение цирка, о том, разумеется, не догадывался. А если бы мог догадаться, думаю, не повел бы меня на представление.

Цирк меня сразу и навсегда покорила.

Меня поразили и восхитили дети, которые, как правские артисты, выступали в тот день на арене.

Я смотрел на маленьких акробатов и наездниц — своих сверстников. Да иных и не сверстников, а пожалуй, младше меня на два-три года. Я завидовал этим девочкам и мальчикам. Ведь до тех пор я и понятия не имел, что дети здесь могут быть равноправными участниками.

Конечно же, я ничего не сказал отцу, но именно тут, в одном из верхних рядов цирка, на представлении, твердо решил, что стану артистом в какой-нибудь цирковой труппе. Тогда мне будет не страшно остаться одному. Захочу — уйду из дома.

Но как попасть в цирк? Что я умею делать?

И я принялся всю тренироваться. Я пытался делать все, что успел увидеть на представлении акробатов. Я учился стоять на руках, ходить на них. Отталкиваясь от пола руками, вставать на ноги. Вертеться колесом и еще многое. Мои занятия в клубе «Сокол» с того дня были посвящены одному — научиться таким вещам, которые позволили бы мне пробиться на арену.

Я уже постигал азы акробатики, но был мал ростом и слабо надеялся на то, что меня возьмут в артисты.

Ах, как хотелось скорее стать взрослей!

В связи с этим отчаянным желанием приключилось со мной однажды такое.

Мы с отцом каждый месяц ходили вместе стричься. Парикмахер хорошо знал нас. И вот как-то раз отец послал меня стричься одного и дал мне для этой цели пятиалтынный.

Подошел я к парикмахерской, и вдруг решил, что могу не только постричь волосы, но и побриться. Мне думалось — стоит начать брить бороду и станешь взрослым. Потрогал подбородок. Кажется, что-то есть. Захожу в парикмахерскую и важно усаживаюсь в кресло.

— Чего изволите? — спрашивает мастер.

— Побриться...

Мне казалось, что я это сказал тем же тоном, как обычно отец, но мастер, видимо, решил, что ослышался.

— Чего?! — переспросил он.

— Побриться и вежеталью...

Насчет вежетали — туалетной воды — я тоже, конечно, слышал от отца. Мастер больше ничего не произнес, поклонился и надел мне на шею салфетку. Затем он старательно, обильно намылил мне щеки и подбородок, а потом, все так же молча, снял салфетку, взял меня за шиворот и выставил на улицу.

Стоя у парикмахерской и чуть не плача, я вытирал с лица рукавом мыло на глазах у ошеломленных прохожих.

Наверно, это была первая в моей жизни клоунская сценка, в которой пришлось участвовать. Хорошо еще, что сохранилось пятнадцать копеек и можно было постричься в другом месте.

Итак, я продолжал тренировки. Однако уже понимал, что делаю все не совсем правильно и вовсе не по-цирково. Я подумал, что необходимо поближе посмотреть на акробатов, понять, как это они столь ловко делают свои трюки.

И вот однажды, сразу после уроков в гимназии, я решительно побрел к цирку, надеясь каким-нибудь образом проникнуть в него.

Здание тогдашнего киевского цирка было разрушено много лет спустя во время войны. Теперь в Киеве огромный современный цирк. Его выстроили на месте бывшего шумного базара. Ныне там красавица площадь и высотные здания со всех сторон. Старому цирку далеко до сегодняшнего, и все же это был хороший для своего времени каменный цирк. Мне же в те годы он казался неподступным дворцом.

Он и в самом деле был неподступен. В дверях стоял высоченный швейцар в расшитой золотом ливрее, с рядом начищенных медалей и с белыми бакенбардами.

Такие швейцары бывали героями давнишних войн, и медали у них были всамделишные. Когда они старели, их, не колеблясь, брали в привратники. Каждому хозяину было лестно, что его двери охраняет заслуженный воин.

Ну как к такому подступиться какому-то гимназистке?! Однако я отважился.

Подошел к дверям. Швейцар распахнул их передо мной так услужливо, что я оробел еще больше. Но что делать. Задрал вверх голову и говорю:

— Скажите, пожалуйста, можно мне повидать руководителя группы акробатов?

Сказал и жду. Сейчас, думаю, выкинет меня швейцар на мостовую вместе с моим ранцем. И вдруг —

совсем неожиданное. Швейцар посмотрел на меня и говорит:

— Господин такой-то (уж не помню фамилии, но, конечно, итальянская) сейчас находится на верхнем манеже. Пройдите, молодой человек, во второй этаж.

Я было хотел броситься бегом, пока страж цирка не раздумал, но нужно было изображать и в самом деле серьезного человека. Не спеша стал подниматься по лестнице.

И вот в первый раз в жизни я увидел цирк в будничном репетиционном час. Так нарядно выглядевший вечером манеж сейчас едва желтел, освещенный какой-то таинственной лампочкой. Над ним путаница канатов и веревочных лестниц, похожих на морскую келлаж на фоне тусклого неба, так как купол цирка погружен в темноту. Нарядно обитые бархатом ложи накрыты серыми скучными полотнищами. Занавес полностью раздвинут. За ним видны непривлекательные служебные помещения. Оркестровая раковина пуста и молчалива. Вместо музыки откуда-то слышался хриплый собачий лай и чей-то голос, размеренно считавший:

— Раз, два, три... Раз, два, три.. Раз...

На манеже репетировали трое акробатов. Одеты они были в старые трико. Можно было даже разглядеть штопку и заплатки. Тем не менее они делали как раз то, что я мечтал увидеть. Пользуясь темнотой, потихоньку пробрался в один из рядов за ложами и, поспешно сняв ранец и положив его рядом, затаился, убежденный, что меня не заметят.

Я почти не дышал, следя за движениями акробатов и усиленно прислушиваясь к тому, что говорили они друг другу, к тому, что требовал от своих товарищей старший. Ведь в этих-то словах и заключался секрет их умения, который мне так хотелось постигнуть.

Я был уверен, что меня не приметит никто. Но, конечно, ошибался. Вскоре глаза мои привыкли, и я увидел, что в цирке не так-то уж темно. Ко мне приблизился какой-то сердитый человек с большими усами.

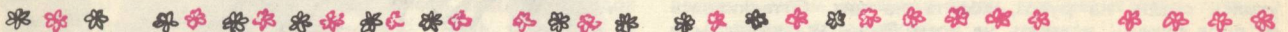
— Ты откуда, что здесь делаешь? — спросил он.

Я промямлил что-то невразумительное.

— Репетиции наблюдать воспрещается, — заявил усач и требовательно указал мне на выход.

Ничего не оставалось делать. Забрав ранец под мышку, я понуро стал пробираться к выходу. На мое счастье швейцар внизу куда-то отлучился, и я свободно выбежал на улицу.

И все же я был доволен. Мне удалось кое-что подглядеть. Вернувшись домой, я немедленно принялся повторять то, что умел, и попытался сделать то, что увидел на репетиции в цирке.

10.45

Только я снял пальто, на столе зазвонил телефон.

— Роберт Михайлович, что у вас там?

— Все в порядке. Репетиции на манеже идут по расписанию. Вызванные uniformисты на месте. Прибыли Замоткины. Помещены в общежитие. Комнатами довольны. Жду багажа Волжанских...

— Хорошо, — сказал в трубку директор. Это звонил он. — Зайдите, пожалуйста, ко мне. Сейчас.

Я не удивился срочному вызову. Мало ли у директора вопросов. Сегодня последний день программы.

Вслед за тем наступят четыре выходных. Только не для нас, а для зрителей. Ряды опустеют, а у нас начнется самая горячка. Ведь за три-четыре дня мы должны подготовить новое представление — премьеру, на подготовку которой в театре уходят месяцы. В цирке все будет заново. Другие номера, другой коверный клоун. Отработали любимцы публики Никулин и Шуйдин, а теперь ждем земляка-ленинградца Бориса Вяткина. Он только что закончил гастроль за границей, в далекой Индии. Вчера пришла телеграмма. Летит домой вместе со своими Манюнями (их у

него несколько). Волнуемся, как после индийской жары будут чувствовать себя нашей зимой собачки. Да и сам артист. Ведь без коверного нет программы.

Спешу к директору. Иду коридором, кольцом охватывающим весь цирковой зал. Мимо на скрипучей тележке uniformисты, сейчас одетые в робу, провозят тяжеленный манежный ковер. Электрики тянут какие-то провода. С одной стороны из фойе слышится упрямое гудение пылесоса, с другой — трубные звуки тромбона. Это занимают музыкальные эксцентрики. Неизвестной

для зрителей жизнью цирк живет уже с семи утра. Завтра и в ближайшие дни он будет жить и ночью — двадцать четыре часа в сутки, до тех пор, пока опять не осветится украшенный манеж и мы не выйдем на него в новом прологе.

Но я ошибался. Директор вызывал меня не в связи с подготовкой новой программы. Дело было иное и неприятное.

Поссорились два артиста. Причем молодой и уже избалованный публикой оскорбил старого, достаточно заслуженного. Он допустил такую грубость, о которой мне даже не

хочется и рассказывать. Директору уже все известно. Мне, режиссеру-инспектору, к сожалению — нет.

Возвращаясь с тяжелым сердцем и намерением потребовать, чтобы обидчик извинился перед старым артистом, и постараться помирить их. Если же понадобится, написать докладную записку директору и просить его строго взыскать с обидчика.

Ничего не поделаешь. Инспектору манежа приходится разбираться и в этих делах. Он не только режиссер, но, когда необходимо, и воспитатель, в особенности, молодых артистов. А ведь цирк молод, и средний

возраст на манеже, наверно, не достигает и четверти века.

Грубость в цирке теперь редкий гость. С грубостью, незаслуженными обидами в цирке нынче есть кому бороться. Партийные и профсоюзные организации, комсомол. Главное — коллектив. Грубияну, драчуну в цирке долго не жить. А прежде?.. Ведь любой хозяин номера являлся полномочным властелином в своей маленькой труппе. Как часто обиженный теми, от кого зависел заработок, он вымещал злость на младших. Избиения, затрещины в цирке были привычным делом. А сколько

было тайных, да и явных, слез в дощатых углах старого цирка! И какой же благодарностью в сердцах юных

«циркачей» отзывалось человеческое отношение тех, кто порой заменял им отца и мать.

Мне в этом отношении, кажется, в жизни повезло. Но не будем забывать вперед.

Мой час настал

Очень я сокрушался оттого, что больше, конечно, в цирк на репетицию мне не пролезть и новых акробатических тайн не выведать.

А тут вдруг такой счастливый случай.

Как-то я познакомился с одним мальчишкой. Звали его Аркашкой. Маленький, веснушчатый, необыкновенно живой, он привлек мое внимание. И — о, везенье! Узнаю: этот Аркашка — ученик гимнастов братьев Жилиных. Правда, на манеж Аркашку пока не допускали. Но он бегал для Жилиных за пивом и папиросами, а значит, являлся близким человеком настоящих акробатов. Что-то Аркашка от них, конечно, перенял. И совершенно безвозмездно взялся научить меня тому, в чем преуспел сам.

Мой первый учитель акробатики — Аркашка — оценил мои успехи. Очень скоро с его помощью я уже научился правильно, по-цирковому, стоять на руках, крутить сальто со стула и «классически» делать колесо. Но лучше всего я умел, да и любил, стоять на руках. Стойки я делал буквально везде: на полу, на столе, на заборе, на спинке кровати. Словом, где вздумается.

Эта моя страсть имела серьезные последствия.

Получилось так.

В гимназии, на перемене, когда я, наверно, в сотый раз, продемонстрировал свое умение на подоконнике, мои приятели говорят мне:

— А на парте можешь встать?

— Запросто, — отвечаю.

— И на уроке?

— Хотя на молитве, — говорю.

— Сдрейфишь на уроке?

— Я?!

— Ты.

— Раз чихнуть.

— Не верим...

Ах, так? Ну ладно, увидите... А тут как раз звонок на урок французского языка. Только затихла гимназия, я, под восторженными взглядами всего класса, встал на руках на парте и застыл в этой странной для ученика позе.

Когда в класс вошла наша «француженка» Елена Карловна, она, увидев меня, оцепенела. Класс замер в ожидании дальнейшего. Я все стоял на руках.

И дальнейшее не замедлило прийти. Я был немедленно выставлен из класса. Затем препровожден к директору. Он велел вызвать отца.

Вечером следующего дня меня ожидала порка. За ней последовало сообщение, что в гимназию я больше могу не ходить.

Все же через несколько дней я был определен в реальное училище мадам Хорошиловой. Стоек на партах я там уже не делал.

А вскоре произошло вот что.

Как-то вечером, когда я готовил уроки, принесся Аркашка. Только я взглянул на него — понял, что он пришел с какой-то важной новостью.

— Слушай, — сообщает мне, таинственно оглядываясь. — Завтра в Алексеевском парке новая программа.

— Ну и что из того?

— А то, что им нужен ученик!

— Кому, — говорю, — им? Ничего не понимаю.

— Виноучи, балда.

— Что еще за Виноучи?

— Итальянцы! Акробаты... Вот не соображает!.. Они ищут ученика. Мальчишку...

— Это правда?

— Чтобы мне провалиться... Чтобы у меня отсох язык... Чтобы я ослеп...

Мне оставалось только поверить.

Он ушел, а я весь вечер смотрел в книгу по геометрии, а видел перед собой загадочных Виноучи и себя, подлетающим в сальто на подкидной доске.

На следующий день едва досидел до конца уроков. Хотя я все-таки и сделал домашнее задание по геометрии, но, когда меня вызвали к доске, был так далек от «пифагоровых штанов» в своих мыслях, что до сих пор не понимаю, как еще получил тройку.

Только прозвучал последний звонок, я — пулей через город в Алексеевский парк. Для скорости, да и на случай, чтобы не задержали, преодолел забор и вскоре уже был возле эстрады. Но, оказалось, спешил напрасно. Итальянцы окончили репетиции еще в полдень и давно ушли. Что делать? Ведь я рисковал опоздать. Вдруг возьмут другого ученика. Эта мысль настолько взволновала меня, что я тут же решил завтра вместо училища прийти в парк с утра и ждать, пока не явятся Виноучи.

Ночь я спал плохо. А утром, припрятав ранец, умудрился без него улизнуть из дому.

В половине десятого я уже был на месте. Ждать не пришлось, потому что Виноучи уже репетировали. Их было пятеро. Крепкий черноволосый пожилой итальянец, похожий на него юноша, наверно, сын, две девушки-итальянки и еще один молодой человек. Коротко о чем-то переговариваясь, они работали на редкость слаженно и на меня не обращали ни малейшего внимания. Я притих где-то в задних скамьях и не сводил глаз с акробатов. Получалось у них все легко и красиво, хотя некоторые трюки старик заставлял повторять по нескольку раз. Я как-то забыл, что нахожусь на рабочей репетиции и что акробаты передо мной не в своих парадных костюмах. Я видел их в свете огней и в самом блестящем облике. Я даже позабыл, зачем сюда явился, и очнулся только, когда старик, видимо, удовлетворенный последним трюком, устало махнул рукой и сказал:

— Финиш!..

Теперь или?.. Другого часа не будет.

Не знаю, откуда я набрался смелости. Я встал и пошел к эстраде. Итальянцы застыли, с недоумением глядя на шагавшего к ним мальчика. На эстраду вела лесенка. Я поднялся по ней, подошел к старшему Виноучи. Заикаясь от волнения, произнес:

— Мне сказали, вам нужен ученик, правда?

Виноучи — ладно скроенный, как-то, мне показалось, очень крепко стоящий на земле человек, посмотрел на меня черными внимательными глазами.

— Кто это сказал? — спросил он с мягким южным акцентом.

— Аркашка, — говорю.

— Что за Аркашка?

И это имя у него получилось как-то мягко: «Аркашкя...»

Я объяснил. Виноучи выслушал. Все остальные молчали, продолжая меня разглядывать.

— Где этот ученик?

Я смутился еще более.

— Я, — говорю. — Хочу быть вашим учеником.

Густые брови Виноучи взлетели вверх, а глаза широко раскрылись от удивления. Удивились и все остальные. Пять пар глаз уставились на меня. Да и как было не удивляться. Я был невысок ростом. К тому же, купленная мне «на вырост» шинель реалиста сделала меня еще меньше.

Помолчав, старик спросил:

— А вы умеете что-то делать?

— Умею стоять на руках и еще разное...

— Тогда прошу... Покажите.

Я поспешно, торопясь, как бы он не передумал, снял с себя шинель, швырнул ее в сторону. Потом расстегнул ремень и стащил с себя куртку. Все ждали. Вот он, наступил мой решающий экзамен... Отбежав к кулисам, я с места прошелся колесом через сцену и, опускаясь, замер в ручной стойке.

Даже стоя вниз головой, я заметил, что старый итальянец был поражен.

Я поднялся, стараясь скрыть то, что тяжело дышу. Но старик не обратил на это внимания.

— Альберт, лонжу!.. — скомандовал он юноше, который и в самом деле, как потом выяснилось, был его сыном.

Может быть, не все знают, что лонжей в цирке именуется трос — или просто веревка — проходящий че-

рез блок, укрепленный где-то сверху. Один его конец держит опытный цирковой артист, а то и два артиста, вовремя натягивая или, что называется, потравливая, то есть ослабляя — выпуская. Другой конец троса специальным замком — карабином — пристегивается к поясу гимнаста, исполняющего опасный трюк. Все это зовется «страховкой» — возможностью застраховать артиста от несчастного случая. На представлениях партнеры-акробаты очень редко прибегают к лонже. На репетициях же она присутствует почти всегда. В особенности при освоении нового трюка или тренировке ученика. В случае срыва, неловкого прыжка или падения артист, вовремя подхваченный, повисает в воздухе. От стоящего на страховке зависит многое, если не все.

Так вот, не откладывая дела в долгий ящик, итальянцы надели на меня пояс, плотно застегнули его и взяли меня на страховку. Другой конец троса держали Альберт и партнер группы Виноучи — акробат Жорж.

Старик поинтересовался, как меня зовут.

— Юзеф, — сказал я. Так меня действительно звали.

— Хорошо, Юзеф... Теперь мы попробуем с вами сделать сальто-мортале... Можно?

Еще был только представьте себе, как я был счастлив. Я был готов делать любое сальто без всякой лонжи, совершенно не заботясь о том, что легко могу свернуть себе шею.

И началось... Наверное, час, а может быть, и больше,

ведь часов у меня не было, Виноучи проделывал со мной все, что хотел. Только я становился на ноги, как опять слышал:

— Приготовились... Апл..

И я опять делал сальто, ловко поддерживаемый рукой своего нового репетитора. Кажется, у меня что-то начало получаться. Во всяком случае, поддержку старого артиста я чувствовал все слабее. Если прыжок выходил неудачный, я сразу же повисал на веревке и молодой Виноучи с партнером осторожно опускали меня, а старик ставил на пол. Обе участницы акробатической группы, дочери Виноучи, оставались на сцене все время, пока я пытался освоить сальто-мортале. Я видел — они взглядами одобряли мои старания.

Я здорово устал и, когда тренировка закончилась, не очень-то крепко держался на ногах, но Виноучи не показал и вида, что заметил мою слабость, и как-то, будто даже небрежно, на прощание бросил:

— Если захотите, приходите. Завтра после гимназии. Мы будем здесь.

Много лет спустя я понял, что это его будто без особой заинтересованности приглашение было не чем иным, как маленькой хитростью, или, как теперь бы сказали, педагогическим приемом. Старик рассуждал так: если я приду на следующий день, значит, занятие акробатикой для меня не шутка, не приду — и хорошо — не стоит на меня тратить попусту время.

Кстати, я пишу: старик Виноучи. Таким он мне, естественно, казался тогда. На самом же деле он был все еще не старым.

Как ни устал я, а домой несся на всех парах, чуть ли не приплясывая на ходу. Еще бы, со мной репетировали настоящие цирковые артисты! Мне помогали, меня держали на лонже люди, которые запросто делают сложнейшие пируэты и крутят двойное сальто. Но самое главное: со мной согласились возиться дальше. Ну и благодарен я был моему товарищу Аркашке!

Со следующего дня началась для меня настоящая школа циркового мастерства. Только отзвучит последний звонок — я несусь в сад, где меня ждут Виноучи. День за днем я проходил азбуку акробатического искусства. Меня научили выходить на верхнюю стойку, то есть стоять на руках у другого. Как и в первый день, со мной репетировали сальто. Учили делать его с ходу, в быстром темпе. Не прошло и нескольких дней, я освоил так называемое фус сальто-мортале, то есть петлю в воздухе с рук партнера, и иные трюки, которые были для меня новостью.

Работал я с таким рвением, так хотел поскорее научиться всему, что видел: этим доставляю радость всей группе. Ко мне акробаты относились хорошо. Больше всего мне приходилось репетировать с Жоржем. Именно у него на руках я и стоял. Старший Виноучи с нас не спускал взгляда, требовал повторений, указывал на ошибки, а его сын Альберт подбадривал меня. Иногда, когда мы ненадолго оставались вдвоем, Альберт спрашивал, как идут у меня дела в училище. Я отвечал не очень-то охотно — хвастаться было нечем. Альберт чуть вздыхал и становился грустен. Может быть, потому, что сам учился очень мало, а теперь продолжать учебу не мог. Обе дочери Виноучи приносили на репетицию конфеты и всякие другие сласти и непременно угощали меня.

На всю жизнь мне запомнилось это внимание чужих людей. В особенности потому, что дома мне становилось все хуже. Мачеха недолюбливала меня. Я чувствовал, что был ей не нужен. Отец же нашей отчужденности словно не замечал. А возможно, и видел, но ему и самому было нелегко, и он не хотел ни во что вмешиваться.

В эти дни меня поджидал внезапный удар.

Я уже почти стал считать себя участником группы Виноучи, как вдруг узнал, что они вскоре покидают Киев.

— Мы уезжаем. Уже подписан контракт, — сказал

мне однажды старик после репетиции и, заметив, какое удручающее впечатление на меня произвела новость, продолжал: — Конечно, мы могли бы тебя взять с собой, но что скажут твои родители? Согласятся ли они?

Я не мог врать человеку, который говорил со мной, как со взрослым, и я сказал:

— Наверно, папа не захочет меня пустить. Он не согласится, чтобы я стал акробатом, а я не хочу быть никем другим... И дома я жить больше не могу... Мачеха меня не терпит. Отец не заступает. Если я не уеду с вами, я все равно сбегу из дому... Возьмите меня с собой...

Я стал умолять старика, придумывая все новые и новые доводы, почему не могу дольше жить дома. Виноучи молчал. Потом он положил мне руку на плечо и сказал:

— Я поговорю с Жоржем и со своими. Что они скажут. Не могу я такое решить один.

Вскоре все Виноучи и Жорж закрылись в маленькой дощатой актерской гримерочной позади эстрады, а я шатался по сцене, ожидая решения своей судьбы.

Мне показалось, что продолжалось это невыносимо долго. Они, наверно, спорили. Во всяком случае, разговор был горячим. Впрочем, итальянцы всегда говорят шумно, и самый мирный разговор непривычному человеку может показаться ссорой. Говорили они, конечно, по-итальянски, а я тогда еще не понимал и нескольких слов и мог лишь по интонации догадаться, склоняется ли дело в мою пользу. Но понять так и не мог, а они все шумели и спорили. Видно, кто-то не соглашался принять меня в труппу. И тут нервы мои сдали. Я подумал о том, что вот скоро они уедут, а я снова останусь дома с безразличным ко мне отцом и опостылевшей мачехой. И тогда я сел на скамью за кулисами и заплакал.

Я и не слышал, как ко мне подошла дочь Виноучи, Амалия.

— Ну, что ты плачешь, — стала она успокаивать меня. — Не надо. Если хочешь, обязательно поедешь с нами.

Тут появился и сам Виноучи. Он сел со мной рядом и сказал:

— Я бы взял тебя с собой. Но мне нужна твоя метрика. Может, ты все-таки уговоришь своего отца. Он даст тебе метрику и отпустит с нами.

Я тут же вскочил, вытер слезы и сказал, что обязательно достану метрику. Я был даже убежден, что так и будет, хотя ни малейшего представления не имел, как это мне удастся. Ведь моя метрика, как и у всех учащихся реального училища, находилась под замком в канцелярии дирекции.

Что же делать?

Я брел домой и мучительно раздумывал. Пойти к директору и просить выдать метрику? Нет, нечего было и думать, — не даст. Пробраться в канцелярию и выкрасть?.. А если попадешься? Да и метрики под замком.

Сколько я ни мудрил, ничего не мог придумать путного. Разговаривать же с отцом не имело никакого смысла. Без всякой надежды на успех я пошел утром в училище. И вот по пути у меня что-то затеплилось. Соседом по моей парте был Николка Авдеенко — сын киевского аптекаря. Это был грузный, медлительный и не очень-то разговорчивый парень, а я был живой и быстрый. Тем не менее мы дружили. Но, несмотря на свою неповоротливость, Авдеенко был мастак на всякие выходки.

Пришел я в училище и на первом же уроке поведал Николаю о своем безвыходном положении. Сказал, что просто не знаю, как добыть метрику.

Не успел и кончить своего рассказа, как Авдеенко — мы в это время должны были писать сочинение по истории государства Российского — отодвинул в сторону тетрадь и вытащил из ранца чистый лист бумаги. Потом

он обмакнул перо в чернила и вывел сверху с правой стороны:

«Его превосходительству господину директору реального училища...»

Я, молча недоумевая, следил за Николкиной рукой, а он все писал. Наконец кончил. Витиевато расписался и подтолкнул лист ко мне.

Это было заявление от имени моего отца. Он просил директора выдать мне мою метрику, необходимую для записи меня на бесплатное лечение глаз. Заявление заканчивалось так: «Через несколько дней я лично обязуюсь вернуть вышеуказанный документ в канцелярию вверенного Вам училища».

На большой перемене я со страхом подступил к директорским дверям. Постучал и, сказав, как нас учили:

«Можно войти, господин директор?» — осторожно переступил порог его кабинета.

Директор внимательно прочитал документ, снял пенсне, посмотрел на меня и спросил:

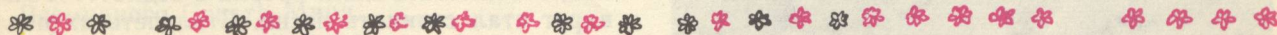
— А что у тебя с глазами?

Уж не знаю, как я успел удержаться, чтобы не ляпнуть: «Ничего!» Но, вовремя спохватившись, выпалил:

— Они у меня слезятся... — И поскорее добавил: — В темноте...

Сморозив эту глупость, я уставился на директора и замер, ожидая, что будет дальше. Но он, кажется, поверил нелепице. Или не стал вдаваться в подробности. Через несколько минут необходимый документ уже был у меня на руках, и я крепко жал замазанную чернилами руку гениального Авдеенко.

В тот же день я вручил метрику старшему Виноучи.

11.15

Снова телефонный звонок.

Прибыл багаж канатоходцев Волжанских. Нужно дать распоряжение, где разместить. Нелегкая задача. Ведь сейчас в цирке сталкивается багаж тех, кто заканчивает программу и завтра-послезавтра отправится на гастроли в другие города, и тех, кто будет работать у нас в будущем представлении. В цирке на Фонтанке тесно. Несмотря на то, что за последние годы, благодаря реконструкции, удалось несколько увеличить помещение.

Особенно трудно со зверями. Ведь порой в одной и той же программе сталкиваются тигры и миролюбивые лошади, которые до смерти боятся хищников, флегматичные слоны и беспокойные собачата. Ну, а две программы сразу!.. Тут тебе может оказаться и бегемот артиста Исаакяна, и знаменитый медведь Гоша — Кудрявцева, и черная пантера Запашного, и верблюды узбекской группы Кадыр-Гулям.

Зверей нужно разместить так, чтобы они не раздражали друг друга и чтобы дрессировщик и его ассистенты могли иметь к ним легкий подход для кормежки. Надо подумать и о том, как звери будут попадать на арену. Хищники, к примеру, бегут в клетку на манеже через специальную клетку-тоннель. При этом не забывайте, что африканским хищникам необходимо тепло.

Я помню случай, когда в осенние дни что-то не ладилось с отоплением и в цирке сделалось прохладно. Обезьянка, занятая в программе, дрожала от холода и могла заболеть. На ночь ее поместили в буфет — самом теплом в те дни месте в цирке.

Понятно, что при размещении зверей очень важно предусмотреть безопасность. И за это в немалой степени отвечает режиссер-инспектор манежа. Разумеется, не он один. Вот почему в цирке так не любят посторонних за кулисами.

Приближается час, когда репетируют конные номера. Повторять их с

лошадьми необходимо каждый день, иначе нельзя быть убежденным в том, что вечером они исполнят все, что от них требуется.

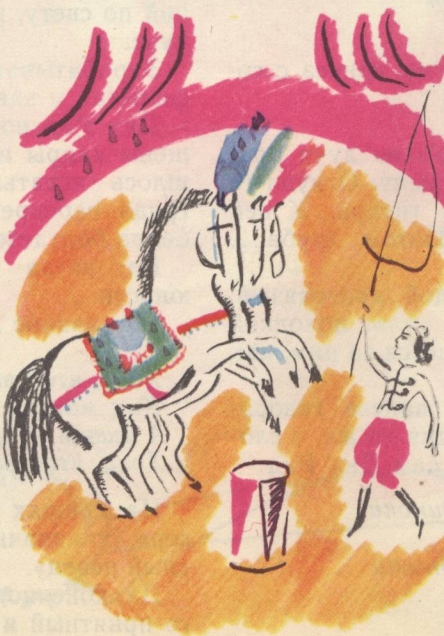
Сначала берейтор — так называется ближайший помощник дрессировщика, а по-нашему, по-русски — объездчик, дает конной группе разминку. Лошади, одна за другой, ленивой трусцой обходят круг за кругом. Берейтор, стоя посреди манежа, будто нехотя, пощелкивает шамберьером — очень длинным цирковым кнутом. Все так буднично и чуть скучно. Не верится, что эти флегматичные, словно домашние, лошади вечером превратятся в красавцев коней, с гордыми султанами, с мастерски расчесанной под шахматную доску блестящей шерстью на крупах. Будут легко и грациозно делать пируэты вальса под неслышную команду дрессировщика, потом взо-

вются на дыбы и раскланяются перед шумно аплодирующим зрителем. Да, празднично будет вечером в свете огней, а сейчас труд и труд.

Багаж Волжанских внесен и установлен на место. Я смотрю на эти исписанные русскими и латинскими буквами, закрашенные и снова написанные адреса и думаю: где только не побывали эти ящики! Нью-Йорк и Рим, шумный Париж и далекий загадочный Бомбей. Где только не блистали знаменитые канатоходцы Волжанские! На каких языках они не слышали одобряющего «браво!»... Да разве одни они! Уже не десятки — сотни номеров нашего цирка покоряют мировые столицы, повсюду встречая горячий прием и овации. Да, далеко шагнул советский цирк — бесспорно признанный сегодня лучшим цирком на земле.

Артисты его теперь перелетают с континента на континент в сверхскоростных воздушных лайнерах. Перелет внутри страны из Львова в Иркутск не занимает и дня. Если же устал, можно совершить переезд в удобном мягком купе и несколько отдохнуть перед выступлениями в новом городе. Многие, отправив железной дорогой багаж, пускаются в путь в своих машинах. Ведь артист цирка — непременно спортсмен, и пока находится за рулем, он отдыхает от обычной работы.

Вот и сейчас у цирка стоит белая машина марки «бьюик». Она принадлежит замечательному жонглеру Николаю Ольховикову. Николай Леонидович приобрел его во время гастролей в Америке. У многих еще молодых артистов — наши изящные «Москвичи». Машина у хорошего циркового артиста нынче не редкость. У кого же ее нет, тот за счет дирекции цирка будет доставлен на место гастролей современными, самыми удобными средствами передвижения. Как же много утекло воды с тех пор, когда обездоленный «циркач» сам, как мог, перебирался в новый город, никогда не зная, улыбнется ли там ему судьба!

„ХОЧУ, ЧТОБ ТЫ ЭТО ЗНАЛ“!

Ю. Голубенский

На афишах, которые Дин Рид привез с собой, написано: «Топ-сингер».

Что это такое?

Зал погружен в темноту. Узкие лучи прожекторов падают на пустую сцену. Откуда-то из глубины начинает звучать гитара. К ней присоединяется еще одна. Потом труба... Электроорган... Ударник...

И вот он появляется, молодой, долговязый, широкоплечий. Выходит из-за кулис походкой ковбоя, и шнур микрофона тянется за ним, как лассо.

В старинном негритянском напеве говорилось о боге и смирении. Мелодия та же, а слова другие, новые, их написал сам Дин Рид:

*Мы не одиноки, мы не одиноки,
Мы не одиноки теперь.
Истина делает нас свободными...
Мы идем рука об руку...
О, всем сердцем я верю —
Однажды мы победим!..*

Он многое перепробовал и многое успел сделать в свои тридцать с небольшим лет. Был профессиональным объездчиком лошадей в Колорадо и гимнастом-рекордсменом. Учился в университете и в актерской школе. Прыгал с парашютом, освоил технику пилотирования самолета. Написал книгу об обитателях бразильских джунглей.

У каждого есть родина. У каждого есть свой дом. Есть ли дом у Дина Рида?

Он родился в американской провинции, на Дальнем Западе, вырос на ранчо. Парень с ковбойской хваткой, ему бы укрощать скакунов, отсчитывать мили прерий в седле... А он вдруг стал сочинять песни. Стал петь их под гитару. Ему тогда было шестнадцать лет.

*Что ж, опять барабаны бьют!
А солдаты? Опять поют?
И опять на земле она?
Да! Опять ты идешь умирать.
И опять причитает мать,
И опять на земле война!*

Он ненавидел войну и чаще всего пел об этом.

Власти не могли смириться с песнями Рида. Гражданин США, он был вынужден покинуть родину. Поселился в Аргентине, на окраине Буэнос-Айреса. Но однажды по окнам его дома хлестнула автоматная очередь. Вылетели стекла, дверь превратилась в решето.

И еще два раза фашиствующие молодчики обстреливали дом Дина Рида.

Он переезжал из страны в страну, из города в город. Чтобы показать маршрут его странствий по свету, надо встать к карте с указкой в руке.

Зарабатывая на жизнь, он снимался в кинофильмах и завоевал известность как актер.

Дин Рид показал мне журналы, там помещены кадры из картин, в которых ему пришлось играть. На нем ковбойская шляпа, грудь перекрещена патронными лентами, на бедре болтается кольт.

Вот когдагодились увлечения ранней юности...

Но главное для него — песни.

*Хочу, чтоб знал ты, как войны страшны.
Как матери плачут, когда погибают сыны,
А жизнь — не игра, и эпоха — грозна.
Хочу, чтоб ты это знал!*

На афишах Дина Рида написано: «Топ-сингер». Это значит — «превосходный, первоклассный певец».

Да, конечно, Дин Рид хороший артист. У него приятный и сильный голос. Он мастер своего дела.

Но он ведь не единственный «топ-сингер». Холлидей, Адамо, Антуан да и не мало других носят этот титул. И голоса у них, пожалуй, не хуже. И двигаются они по сцене с микрофоном в руках довольно ловко.

Почему же выступления Дина Рида собирают многочисленные толпы? За что влюблены миллионы людей в своего певца?

Пластинки с записями его песен выходят огромными тиражами. Его голос звучит в крупнейших залах и на стадионах Сантьяго, Праги, Москвы, Рима, Мадрида. В Буэнос-Айресе тридцать тысяч аргентинцев пришли на стадион, чтобы послушать Дина Рида и — прямо с концерта — проводить его на сессию Всемирного Совета Мира.

Вот в чем секрет успеха.

Большинство «топ-сингеров» исполняет песни-пустячки. Так, ни о чем серьезном.

А Дин Рид поет о том, что волнует и тревожит миллионы.

— Я считаю, — говорит артист, — что американцам нечего делать во Вьетнаме и они должны уйти оттуда. Каждый честный гражданин моей родины думает так же... Моя родина сильна, но это не дает нам права быть мировым жандармом. И нет у нас права убивать вьетнамских парней.

Почта приносит мне яркий квадратный конверт, весь в марках и штемпелях. Я достаю из него гибкую грампластинку и листок с текстом на английском языке: «Мои мысли и мои лучшие чувства будут с вами, с советскими людьми, которые дали всему человечеству

большую идею и надежду. Никогда не забывайте, что все прогрессивные люди мира с надеждой смотрят на ваши революционные начинания».

Есть старая поговорка: «Одни поют, что знают; другие знают, что поют». Когда Дин Рид выходит на эстраду, он отлично знает, что он как артист должен сказать своим слушателям. Почти в каждом концерте он исполняет одну из самых любимых своих песен. Он написал ее залпом, не отрываясь от блокнота, несколько лет назад. Она посвящена ребенку, который еще очень мал, но который вырастет и придет хозяином в этот мир:

*Хочу, чтоб узнал ты, когда подрастешь,
Как мать и отец ненавидели ложь
И сыну открыто смотрели в глаза,
Хочу, чтоб ты это знал!*

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

НАД НАМИ КАНОПУС

Софья Степаньянц

„Канопус“

Есть в созвездии Арго яркая звезда южного неба — Канопус. Прочие звезды — Центавра, Ахернара, Антареса, Орла, Волопаса, Лебеда и Лиры меркнут в сравнении с величавым светом Канопуса...

В честь этой звезды и назван наш траулер — «Канопус».

Семь лет ходил «Канопус» из Владивостока в Берингово море на промысел сельди. Теперь он идет в тропики с необычной задачей — научно-промысловой. Кроме рыбаков, на «Канопусе» ученые. У рыбаков своя задача — ловить рыбу, у ученых — своя: обнаруживать места скопления рыб.

Обнаружат, сообщат во Владивосток. Тогда придет на это место целая флотилия — ловить тунцов, марлинов, меч-рыбу...

Погода портится

Погода испортилась ночью. Накануне Японское море лишь слегка волновалось. Ночью же Сангарский пролив разбушевался и волны начали швырять «Канопус» как скорлупку.

Свист ветра, шум моря, светящаяся пена летит мимо иллюминаторов. А под тобой — гул двигателя, треск насоса, вибрация вентилятора... Мачты скрипят, хлопают плохо задренная дверь, что-то скрежещет в трюме, и на камбузе дребезжат кастрюли.

... И качка, одуряющая, непрерывная, то вверх-вниз, то сбоку на бок. Ни минуты покоя. Тогда-то и подумаешь: не зря ли дело путешествие по морям?

А завтра, глядишь, море успокоится и мысли совсем другие...

Рыбья кухня

Океан богат. Великое множество организмов, растительных и животных, больших и маленьких, ярких и бесцветных, безобразных и красивых, безобидных и опасных населяет его. Жизнь кипит и

у самого берега и на больших глубинах.

Мельчайшие водоросли, рачки, моллюски, черви, разнообразные медузы плавают в океанской воде. Все они вместе зовутся планктоном, в отличие от обитателей дна — бентоса.

чайшую живность. Снизу — металлический стакан с краном.

Когда сеть поднимут, кран откроет. В подставленную посудину выливается нечто пестрое, сверкающее всеми цветами радуги, — крошечные морские обитатели, огоньки жизни, которые вспыхи-

Планктон поедают более крупные животные, раки, многие рыбы. Кормятся планктоном и киты. Многие из тех, кто лакомится планктоном, — сайра, сардины, анчоусы — сами становятся добычей хищников.

Мы изучаем планктон. «Канопус» ложится в дрейф. В воду опускается планктонная сеть, — конический мешок из плотного капронового газа, который, пропуская воду, задерживает мель-

чают в последний раз и тотчас меркнут и гаснут...

А когда ловим рыбу, непременно исследуем содержимое ее желудков и желудков ее жертв, чтобы знать, что предпочитают рыбы к своему обеденному столу.

Потом мы чертим карту планктонных мест океана.

И вся несложная рыбья кухня становится нам известной.

Окончание следует

Школа матроса

Урок первый по истории матросской одежды ведет знаток своего дела Михаил Павлович Ефимов — научный сотрудник Военно-Морского музея в Ленинграде.

— Князь Потемкин не зря говаривал: «Воинский туалет должен быть таков: что встал, то и готов...» Это я к тому, что морская одежда должна быть удобной и

формой, и цветом, и покроем. Все это вырабатывалось не сразу, столетиями.

Сегодня расскажу я вам о бушлате. Откуда пошел бушлат...

Незадолго до Петра I матросы на корабле носили бостроги — длиннополые кафтаны.

Петр повелел укоротить их, и стали кафтаны бострогами-полукафтанами. Были они цвета зеленого, черного и полосатые. Это чтобы лучше боцманам и офицерам видеть матросов, которые высоко над палубой на реях работали.

Пуговицы и бляхи были сперва роговые, потом — медные. Не для красоты: компас вблизи себя железо не любит. Помните у Жюль Верна? Негоро топор под нактоуз подложил? То-то...

Бостроги-бушлаты на русском флоте продержались больше ста лет. В них русские моряки побеждали при Гангуте, Эзеле, Чесме и Синопе. Потом появился Павел I с его прусскими порядками и заменил бостроги серыми солдатскими шинелями.

После Крымской войны в 1855 году шинели отменили и матросам выдали новую форму — просторные короткие куртки черного сукна на теплой бобринковой подкладке. Это и был бушлат, почти такой же, как и сейчас.

Бушлат матроса хорошо греет, и в работе не помеха, и на корабле в нем в любую горловину пролезть можно. А если случится лицом к лицу с врагом встретиться, — в бушлате и врукопашную сподручно. Так-то...

Морской словарь

Баркентина. Часто путают с бригантиной.

От барка у баркентины на фок-мачте — прямое парусное вооружение. Остальные мачты — «сухие», несут косые паруса шхуны. Мачт у баркентины может быть три, четыре, пять и даже шесть.

Бригантина. Часто путают с баркентиной.

У бригантины всегда было, есть и будет две мачты. Фок-мачта от брига несет прямые паруса, грот-мачта, как у шхуны — сухая с косыми парусами.

ПОЖАРНЫЙ КАТАМАРАН

Это «Хириу» — необычный катамаран для тушения пожаров.

Брандспойты «Хириу» в одну минуту могут обрушить на горящий корабль двадцать шесть тысяч литров воды и химической пены.

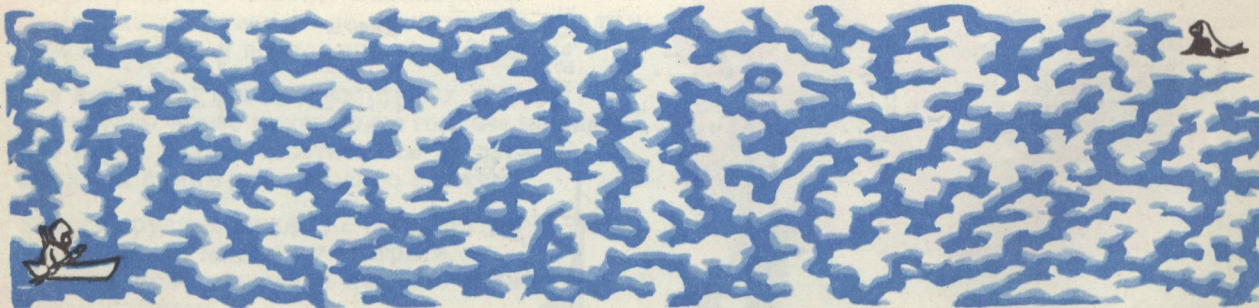
Катамаран очень устойчив, мореходен и имеет небольшую, всего два метра, осадку. Построен «Хириу» в Японии и обслуживает порт Иокогамы.

РАЗНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Всем! Всем! Всем... кто подписывает свои письма инициалами: С., Р. Б., С. К., Я. Л., Н. Н., П. В., А. К. и так далее...

К чему подобная конспирация?

Капитан Быстроходов. Боцман Румпель

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Сможет ли охотник провести свою лодку к моржу на льдине?

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

СООБЩАЕМ!

„Морская газета“ в 1971 году проводит пионерские маневры „Океан-2“. Маневры „Океан-2“ проводятся в честь 50-летия Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени В. И. Ленина. Цель маневров — проверка военно-морской подготовки читателей „Костра“.

Командовать маневрами „Океан-2“ будет дважды Герой Советского Союза контр-адмирал Александр Осипович Шабалин.

В маневрах „Океан-2“ могут принять участие под девизом любого советского или русского корабля все читатели „Костра“, любые детские морские экипажи и детские морские клубы.

Девиз — название корабля — обязателен!

Все корабли — участники маневров „Океан-2“ — будут распределены по четырем эскадрам, выход которых намечен из четырех портов Советского Союза — Мурманска, Ленинграда, Севастополя, Владивостока.

Точная дата и время выхода в море будут объявлены телеграммой.

Планом дальнего похода предусмотрены визиты дружбы в зарубежные государства.

Научные исследования и учебные стрельбы намечено провести в разных районах Мирового Океана. О квадратах стрельб и районах мы сообщим.

О ходе маневров в „Морской газете“ будут постоянно печататься материалы наших специальных корреспондентов.

Лучшие из лучших, отличившиеся в походе и стрельбах, будут награждены призами и побывают в гостях у военных моряков на боевых кораблях дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Участники маневров „Океан-2“ получают памятные значки.

Письма и донесения адресуйте в „Морскую газету“ так: „Корабль связи „Стремительный“, командиру“.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 1

Походный штаб „Океан-2“ приказывает:

1. Сообщить девиз — название своего корабля, фамилии, имена, возраст членов его экипажа, кто из вас является командиром, ваш точный почтовый адрес.

2. Сообщить географические координаты:

— городов Ленинграда, Севастополя, Мурманска и Владивостока — крупнейших советских портов,

— мыса Доброй Надежды и мыса Нордкап. Чем знамениты эти два мыса?

3. Каждому участнику маневров „Океан-2“ выбрать порт приписки корабля и сообщить все о героическом прошлом этого города-порта, о кораблях-героях и моряках-героях, защищавших этот город-порт во всех войнах.

Эти сообщения будут приняты как сигнал готовности № 1.

Всем участникам маневров „Океан-2“ проверить свои знания флажной и семафорной сигнализации, телеграфной азбуки, общей военно-морской подготовки.

Рекомендуется:

Иметь географическую карту мира, чтобы булавочным флажком отмечать местонахождение вашего корабля.

ПЕРВОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМ

Готовясь к выходу в море, телеграфную азбуку, опубликованную здесь, выучить наизусть. Запомните, при написании текста телеграфной азбукой буквы одну от другой отделяют одной вертикальной чертой, а предложения — двумя.

БУКВЫ

А . — . — . —
Б . — . — . —
В . — . — . —
Г . — . — . —
Д . — . — . —
Е . — . — . —

Ж . . . . —
З . . . . —
И . . . . —
Й . . . . —
К . . . . —
Л . . . . —

М . . . . —
Н . . . . —
О . . . . —
П . . . . —
Р . . . . —
С . . . . —

Т . . . . —
У . . . . —
Ф . . . . —
Х . . . . —
Ц . . . . —
Ч . . . . —

Ш . . . . —
Ъ . . . . —
Ы . . . . —
Э . . . . —
Ю . . . . —
Я . . . . —

ЦИФРЫ

1 . . . . — 6 . . . . —
2 . . . . — 7 . . . . —
3 . . . . — 8 . . . . —
4 . . . . — 9 . . . . —
5 . . . . — 0 . . . . —

Три всадника

Курбанмазар Эзизов

Р. Гамзатову,
К. Кулиеву, А. Кешокову

В тот час, когда горит пожар заката,
в неблизкий путь отправились три друга,
три всадника горячие, три брата,
как три стрелы, что пущены из лука.

Всходило солнце и скрывалось снова,
лучами отражаясь на кинжале.
Луна сгибалась в небе, как подкова,
подковы ярко, как луна, сверкали.

Мелькали кишлаки, базары, села...
Гостили путники в селеньях дальних
и пировали средь людей веселых,
и горевали меж людей печальных.

И пели песни — то звончей, то глуше,
от песен и вина слегка хмелея...
Им чуткий мир внимал, развесив уши,
и делался добрее и мудрее.

Ты где пасешься, конь мой быстrokрылый?
Пора и мне лететь в тот край суровый,
где бьются витязи с нечистой силой,
с коварной гидроу восьмиголовой.

Там, на распутье, далеко-далёко —
весь горизонт в неотзвучавших песнях...
Там встречу старца я с лицом пророка,
спрошу его о всадниках чудесных.

Он мне укажет путь прямой, сердито
ахалтекинскому коня ударив,
и я помчусь с осанкою джигита
вдоль кишлаков, селений и базаров.

И если в раскаленный полдень белый
мой конь и я, устав, не взвидим света, —
нет, не беспомощный, лишь неумелый,
я обращусь к трем братьям за советом.

«В желанье добром — половина дела.
Все впереди!» — ответят мне любезно.
Но... смелым стать — не значит стать умелым:
меж замыслом и воплощеньем — бездна!

Три всадника, три добрых старых друга,
как трудно нам с призваньем гордым нашим!
Мы верим только собственным заслугам,
мы лишь самим себе спасибо скажем...

В моей груди надежда не потухнет:
три всадника мне душу отогрели.
И пусть мой конь среди пустыни рухнет —
пойду пешком,

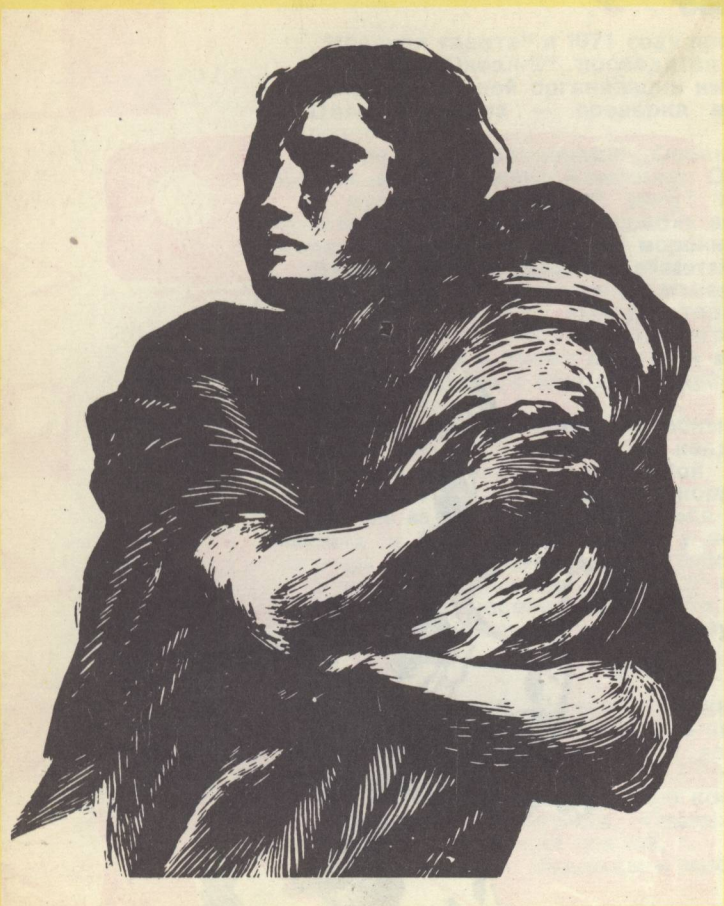
прорвусь,
дойду до цели!

Перевел с туркменского Игорь Михайлов

Рисунок Т. Ксенофонтова

Андреа Гомес «МАТЬ ПРОТИВ ВОЙНЫ»

О НАРОДЕ И ДЛЯ НАРОДА

Всему миру известны имена замечательных мастеров стенной живописи Диего Риверы, Хосе Ороско, Давида Сикейроса, гравера Леопольдо Мендеса и, конечно, их общего учителя, веселого и умного карикатуриста, гравера и иллюстратора Хосе Гваделупе Посады. Пятнадцать тысяч гравюр сделал он за свою долгую и интересную жизнь — и в каждой говорил о родной Мексике.

Эту традицию сегодня бережно развивает организация мексиканских художников — «Мастерская Народной графики». Ее руководитель, знаменитый Леопольдо Мендес, говорит: «Искусство — не легкомысленное развлечение, каким его изображают буржуазные философы, а призвание и общественно полезная деятельность».

Члены «Мастерской Народной графики» делают гравюры на дереве и линолеуме, печатают литографии. Не хватает оборудования, бумаги, не всегда есть деньги на их приобретение. Но любовь к делу, верность передовым идеям побеждают. Народ ценит и любит своих мастеров за честность и бескорыстие, за революционный дух. Первые свои гравюры они тискали на станке с клеймом «Paris, 1871», на таком же, на каком, по преданию, печатали свои листовки парижские коммунары, и это случайное совпадение символично. Важные темы, а не просто веселые развлекательные сюжеты, берут передовые художники Мексики для своих работ. И решают их смело, ярко, четко, подчас грубовато, чтобы подчеркнуть сложность и остроту жизненных проблем. В энергичном штрихе, в контрастности гравюры, в ее напряженном динамизме, в четкости линии — везде виден темперамент и вкус этих больших мастеров.

«Мастерская Народной графики» — дружная семья талантливых художников — коллективный лауреат Международной премии Мира.

И. Мямлин

Леопольдо Мендес «ЖАЖДА»

НАША ЛЮБА —

Мастерица
 И вязать, и вышивать,
 Так, что люба
 Подивиться,
 Так, что глаз не оторвать!
 Люба улицей пройдет, —
 Залюбуется народ:
 На ней шапочка смеется,
 Шарфик весело поет.
 А сестрицы-варежки —
 Ярче майской радужки —
 Вешним светом и теплом
 Всех одаривают,
 А сапожки
 Со снежком
 Разговаривают.

С. Погореловский

СТЕБЕЛЕК ОТ ОДЕЯЛА

(ЯПОНСКАЯ СКАЗКА)

В старые времена жил один человек, такой бедный, что у него не было даже постели. Он стыдился своей бедности и потому строго наставлял своего маленького сына:

— Смотри не проговоришь, что мы на соломе спим и соломой прикрываемся. Ты при людях всегда называй солому одеялом.

Однажды пришли к бедняку гости. И тут вдруг малыш сказал:

— Папа, папа, в твои волосы воткнулся стебелек от нашего одеяла!

Рисунки Т. Васильевой

ДВА ЛЕНТЯЯ

Говорит лентяй лентяю:
 — Принеси мне кружку чаю.
 А лентяй ему в ответ:
 — В самоваре чая нет.
 — На конфетку за труды,
 Принеси простой воды.
 А лентяй ему в ответ:
 — Есть вода, да кружки нет.
 Вот лежит лентяй и ждёт,
 Может, дождичек пойдёт.
 Уж тогда лентяй попьёт!

П. Ильичев

РАЗНЫЕ ВКУСЫ

Белка прыгала по веткам
 и сказала совушке:
 — День-то как хорош, соседка!
 Как светло на солнышке!
 — Нет, — сова сказала ей, —
 ночь с луной куда светлей!

Василий Фетисов

Загадочных дел мастер Владимир Васильевич Акентьев принес Угольку четыре картинки и пять букв —

К, Л, Н, О, У.

Уголёк быстро сменил, в чем дело, и написал недописанное стихотворение:

Вот так поезд — мчится лихо!
 Едет в поезде франтиха.
 Поезд катит под .....,
 на груди дрожит .....,
 Тит Лукич — известный .....,
 вечно весел, вечно юн.
 Видишь, бегаёт легко он,
 хоть в руках большой .....

Ну, а вам остается только с помощью пяти букв и четырех картинок дописать стихотворение.

Рисунки И. Казаковой

Под кастрюлей стояла кастрюля, накрытая кастрюлей вверх дном, внутри которой находилась одна кастрюля, СКОЛЬКО ВСЕГО КАСТРЮЛЬ?

О. Григорьев

БУДЕТ ЛИ КОНЕЦ СПОРУ?

Этот спор непременно возникает в любой компании перед экранами телевизоров, когда транслируются соревнования фигуристов. Причем, спор наверняка старше самого телевидения. Это спор на тему: «Фигурное катание — спорт или искусство?»

У тех, кто отказывает фигуристам в праве называться спортсменами, доводы довольно веские. Действительно, в фигурном катании нет непосредственного поединка соперников — кто сильнее, ловчее, быстрее. Как в спортивной гимнастике, прыжках в воду, акробатике и некоторых видах конного спорта, успех здесь зависит от качества выступления спортсмена. К тому же в фигурном катании очень важно еще и музыкальное сопровождение. И артистизм — его оценивают специально, ведь мы запоминаем не отдельные прыжки и поддержки, а образ, созданный спортсменом — веселый, лихой, лирический, печальный, престодушный — всех оттенков не перечислишь! И костюм спортсмена важен. Вспомните-ка гусарские кивера у Тамары Москвиной и Алексея Мишина в их знаменитой произвольной программе. Вспомните народный костюм Жужи Алмаши. Не будь этих нарядов, выступления фигуристов потеряли бы важную краску. А вот представить себе Анатолия Бышевца, прорывающегося к воротам противника в украинском народном костюме, или Валерия Борзова, стартующего в каком-нибудь панцире — странно!

Итак, артистизм, музыкальность, костюм, освещение... Но разве все это обязательно в спорте — состязании сильных, быстрых и ловких?

Артистизм, музыкальность, костюмы и световые эффекты — все это усиливает впечатление — но еще не самое важное, — возражают убежденные сторонники спорта. Здесь, как и в любом спорте, главное — атлетизм, острота реакции, тренированность. Для каждого вида фигурного катания существует своя программа чисто спортивных элементов, и выполнять их нужно безупречно.

А. Лосев
Фото Н. Науменкова

Без этого всякие там скольжения под музыку в луче света ничего не стоят. И разве образ, создаваемый спортсменом, присущ только фигурному катанию? Каждый большой спортсмен, выступая перед зрителями, запоминается ими как неповторимая индивидуальность. У прыгуна в высоту Роберта Шавлакадзе движения были порывисты, драматичны, и вы всегда чувствовали его трепетное состояние. А Валерий Брумель в пору своего расцвета не доставлял болельщикам особых беспокойств — в его победе были уверены. Зато волновало другое — неудержимое романтическое стремление к высоте. Совсем не таков олимпийский чемпион американец Фосбери, ошеломляющий зрителя фантастической манерой прыжка...

Но тут кто-нибудь из спорщиков задает коварный вопрос: неужели музыкальность и артистизм Белоусовой и Протопопова второстепенные качества?

Место и значение Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова в современном парном катании — вот что стало среди болельщиков фигурного спором номер два. Пока с

1965 до 1968 года Людмила и Олег держали мировое первенство, все признавали их мастерство непревзойденным. Но вот прошло уже два года, как первенство в Европе и в мире ими утрачено. Более того, Ирину Роднину и Алексея Уланова никак нельзя назвать преемниками Белоусовой и Протопопова. Это именно молодые победители, пришедшие на пьедестал почета благодаря иным качествам. Атлетизм, силу противопоставили они мягкому лиризму, техническую сложность — гармонии, скорость и четкость — артистическим поискам.

И, что бы ни говорили поклонники прежних чемпионов, Роднина и Уланов победили в Гармиш-Партенкирхене, и в Ленинграде, и на последнем чемпионате мира в Любляне.

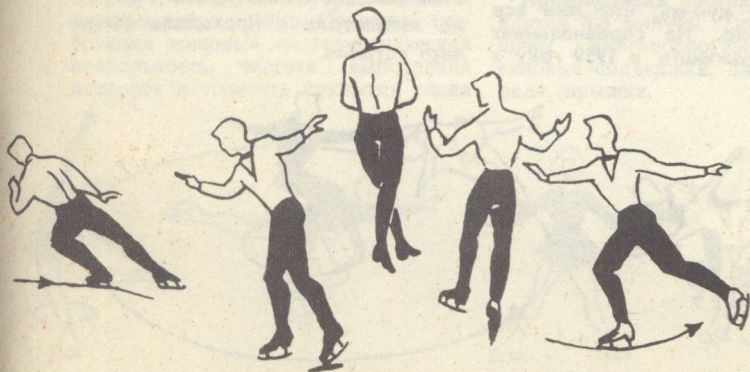
Поэтому особенно интересно узнать их точку зрения на затянувшийся спор.

ГОВОРЯТ АЛЕКСЕЙ И ИРИНА

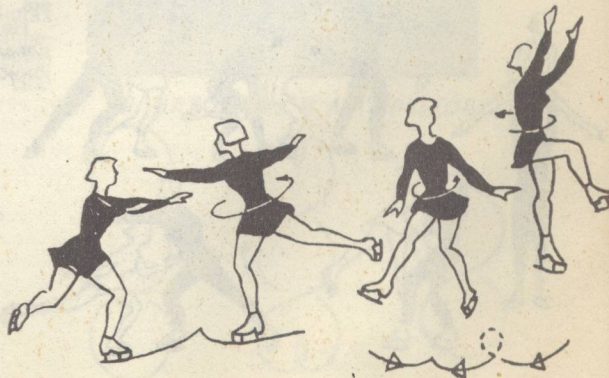
«Спорт или искусство?» Как вы думаете, почему прославленные Белоусова и Протопопов потеряли титулы, которыми так долго владели? Потому, что убрали из своей композиции ряд трудных элементов, свели до минимума число поддержек.

В их программе был такой фрагмент: в течение тридцати секунд Олег троекратно притягивал к себе Милу и отталкивал ее снова, держа ее за палец. Конечно, это выглядело красиво и лирично. Да и болшинство их программ напоено лиризмом. Они достигли огромного искусства в выражении своих чувств, в воплощении музыкальных образов. Но это же все не спорт, а балет!

Нас иногда спрашивают, почему мы не наследуем манеру Белоусовой и Протопопова. Потому что мы не хотим играть как актеры. У нас свой путь. Если бы мы избрали их манеру, мы бы никогда не выиграли у них. Нас с нашим тренером привлекало другое: предельно усложнить композиции, насытить программу элементами высшей степени трудности, увеличить скорость.

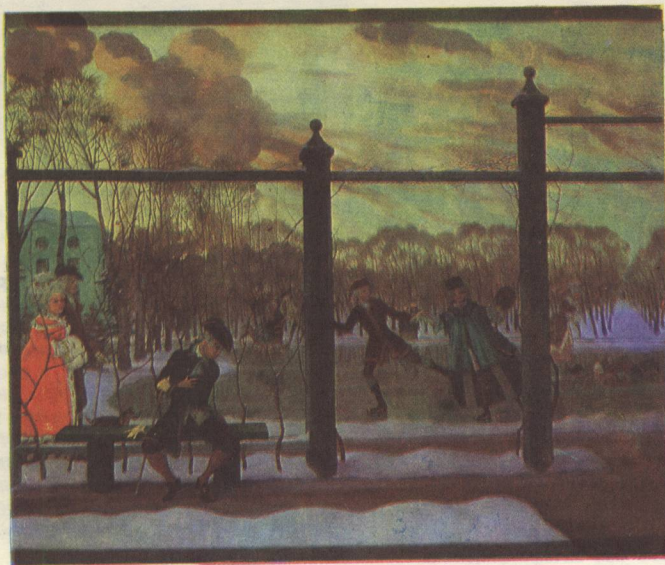

1. Сальков — в 1, 2, 3 оборота

2. Лутц — в 1, 2, 3 оборота

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ КАТОК». С картины К. Сомова

Наши олимпийские чемпионы в своей программе уменьшали число прыжков, мы — увеличивали. Их скорость стала не такой, как прежде, мы ездим гораздо быстрее. И мы уверены, в фигурном катании будущее принадлежит тем, кто будет увеличивать степень «сложности».

В день триумфа молодых фигуристов — Ирины и Алексея — эти слова прозвучали особо убедительно. Засидевшись над своими записями в пресс-центре, я, прежде чем уйти из «Юбилейного», заглянул в зал. Было полутемно. Тихо — только переговаривались негромко уборщицы. Несколько таких же, как я, случайно припозднившихся журналистов сидели в первом ряду. Перед нами в простых тренировочных костюмах скользили по льду Людмила Белоусова и Олег Протопопов.

Рассказывать ли, как прекрасно было это зрелище? Вы небось и так

мне завидуете. А что касается наших спортсменов — им, видимо, спорить еще долго!

ГОВОРИТ ГАБИ

Если судить по письмам наших читателей, Габи Зейферт — самая популярная среди современных фигуристов. Тут мнение читателей «Костра» совпадает с мнением всех любителей фигурного катания.

Мы решили, что будет лучше всего, если на вопросы о Габи Зейферт ответит она сама.

Вот что говорила Габи незадолго до того, как перешла на тренерскую работу.

«Знакомые шутят, что мама сначала научила меня кататься на коньках, а потом уже ходить. Это почти так. Впервые я встала на коньки, когда мне было четыре года. А вот настоящие тренировки начались с семи лет. Это, пожалуй, лучший возраст для начала занятий. Добиться настоящего успеха в фигурном катании, если начнешь заниматься позже, на мой взгляд, очень трудно.

Не следует думать, что мне все давалось легко. На соревнованиях юниоров в Будапеште в 1959 году я

заняла лишь 14 место, на первенстве Европы в Западном Берлине в 1961 году — 21 место (четвертое с конца), на Олимпийских играх в Иннсбруке в 1964 году — 19 место.

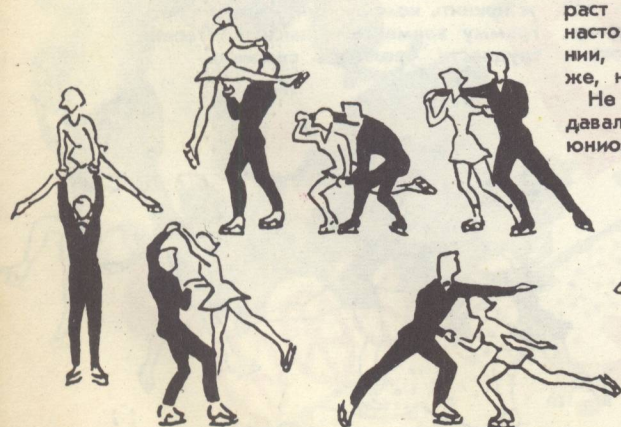
Только в 1967 году, на двенадцатом году занятий фигурным катанием, я завоевала первое место в Европе, и то через год уступила его (правда, только на один сезон) Хане Машковой.

Настоящий успех пришел в 1969 году. Первенство мира проводилось в США, в Колорадо-Спрингс (между прочим, этот городок расположен на двести метров выше, чем Мехико, так что на нас обрушились те же трудности, что и на олимпийцев). В моем арсенале к этому времени был уже солидный запас двойных прыжков, лутцев, акселей, пируэтов и дорожек. Больше того — на тренировках мне уже удавалось выполнять прыжок в три оборота — фигуру, которой прославился Ален Кальма и которую фигуристки до сих пор не выполняли. Такая техническая оснащенность принесла успех: все судьи показали 5,5, а при оценке артистичности четверо судей из девяти подняли «шестерки», — говорят, это был тоже рекорд чемпионатов.

Что главное в жизни спортсмена? Режим. Режим тренировок, сна, отдыха, питания. Мне, например, приходится особенно следить за питанием, ведь при росте 161 сантиметр я вешу 55 килограммов — не мало. Представляете, что бы со мной было, если бы я съедала хотя бы ничтожную часть тех конфет и шоколадок, которые присылают мне болельщики!

Вот за аплодисменты, за теплые письма я очень благодарна моим болельщикам. И за кукол в национальных костюмах. Ведь коллекция кукол разных народов — единственная слабость, которую я могу себе позволить».

Чтобы ваши беседы и оценки перед телевизионным экраном стали более квалифицированными, мы познакомим вас с некоторыми основными элементами и правилами фигурного катания.

Поддержка на руках «лассо».

Парное вращение в «ласточке» (парная «либела»)

Обводка «тодес назад наружу».

Л. БЕЛОУСОВА И О. ПРОТОПОПОВ

ГАБИ ЗЕЙФЕРТ

**ЕСЛИ ЗНАЕШЬ,
ИНТЕРЕСНЕЙ БОЛЕТЫ!**

Фигурное катание на коньках включает в себя парное катание и одиночное катание (мужчины и женщины).

Танцы на льду считаются отдельным видом спорта.

Обязательная программа в парном катании состоит из шести элементов, на выполнение которых надо затратить не более двух минут. Запрещено включение дополнительных элементов, повторение элемента.

Произвольная программа в парном катании включает в себя все элементы одиночного катания, исполняемые партнерами зеркально или параллельно. Кроме того — парные вращения, поддержки, обводки (см. рисунки).

Произвольную программу парного катания нужно выполнить ровно за 5 минут.

Обязательная программа — «школа» — в одиночном катании (мужчин и женщин) состоит в выполнении шести фигур семнадцати рисунков (4 рисунка мы помещаем). Каждый из них может быть выполнен ходом вперед и назад, на внутреннем и наружном ребре конька. Основные требования «школы» — геометрическая правильность, чистота выполнения поворота и точность покрытия следа

(рисунок повторяется 6 раз, один след должен накладываться на другой). Выполняется 6 фигур (по жребью).

Прыжки, вращения, шаги, спирали включает в себя произвольная программа в одиночном катании.

Прыжки: 1. Сальков — в 1, 2, 3 оборота; 2. Лутц — в 1, 2, 3 оборота.

Вращения: 1. Вращение «в ласточке», или «либела»; 2. Вращение «в заклоне».

Спираль — «кораблик».

Произвольную программу женщины должны «прокатать» за 4 минуты, мужчины — за 5 минут.

Обязательные танцы объединены в 4 группы: I — вестминстерский вальс, рокер-фокстрот, серебряная самба; II — венский вальс, пасодобль, танго; III — звездный вальс, килиан, аргентинское танго; IV — европейский (или американский) вальс, квикстеп, блюз. Исполняемая на соревновании группа определяется по жребью. Добавляется четвертый, «оригинальный» танец.

Произвольная программа в танцах длится 3,5 минуты. Танцорам запрещены многооборотные вращения, силовые поддержки, длительные спирали, прыжки.

Л. ПАХОМОВА И А. ГОРШКОВ

Вращение «в заклоне».

Вращение «в ласточке», или «либела».

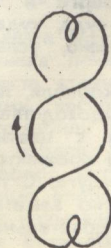
«Кораблик».

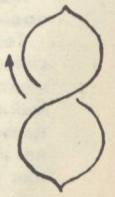
Двукратная тройка.

Выкрук.

Параграф с петлями.

Восьмерка со скобками.

Против ледовой опасности

В Северной Атлантике самое опасное время для судоходства — весна. В эту пору здесь дрейфует множество арктических ледяных гор — айсбергов. Если судно сталкивается с такой ледяной глыбой, случается тяжелая авария.

Избежать столкновения помогает особая служба ледовой охраны. Ее патрульные корабли обнаруживают айсберги и немедленно по радио оповещают все суда, куда дрейфуют ледяные горы.

Как, однако, уследить за айсбергами в ночное время?

Теперь корабли, патрулирующие в районе интенсивного судоходства, снабжены новшеством — прожекторами с цветными рефлекторами. Освещенный такими прожекторами айсберг искрится разными цветами радуги. С торгового или рыболовного судна его легко заметить даже на большом расстоянии и, следовательно, принять меры безопасности.

Всемирное обозрение
ведущих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств
ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Удобные аэросани

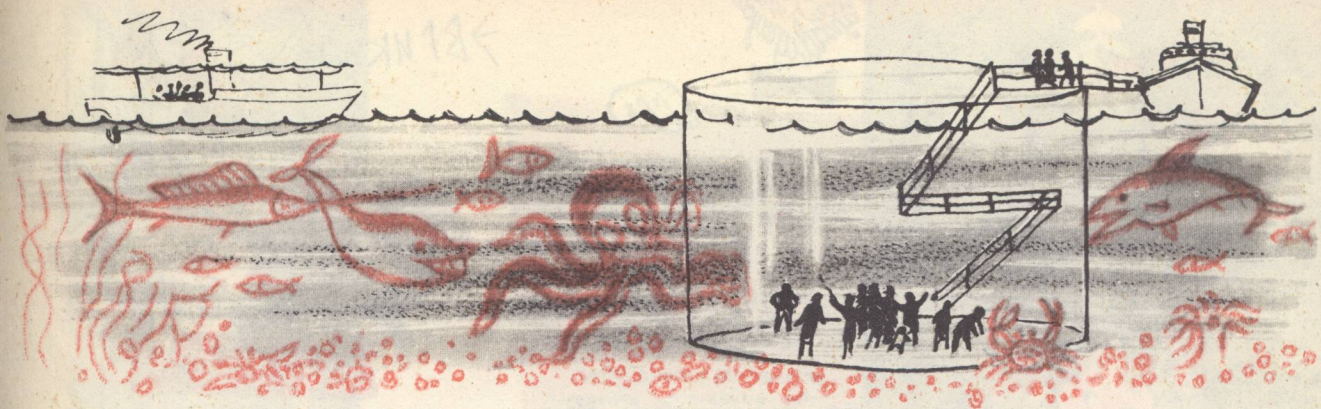
Лучше всего передвигаться по снежным просторам Севера в аэросанях.

Конструкторы стараются создать новые, более современные, более удобные для пассажиров модели снежных глассеров. Такие новые самоходные сани, сконструированные в бюро знаменитого авиаконструктора А. Н. Туполева, вы видите на снимке.

Эта красивая машина обтекаемой формы быстро помчится по заснеженной тундре или ледяным полям. В ней будет очень удобно путешествовать.

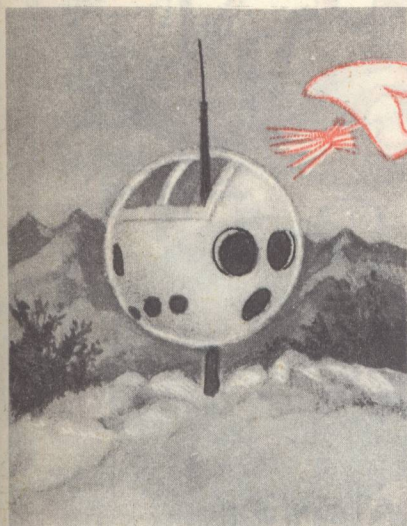

Подводные туристы

Новый вид туризма — подводный — появился в Японии. Неподалеку от курортных мест в океане сооружаются специальные стеклянные колодцы. Из них туристы смогут наблюдать жизнь океана.

Избушка Бабы-Яги

Не правда ли, это своеобразное здание напоминает сказочную избушку на курьих ножках? Проект создан швейцарским архитектором Ганзельманом. Но в отличие от жилища Бабы-Яги дом-шар имеет три этажа и не стоит неподвижно на «курьей ножке», а медленно вращается вокруг нее. Курья ножка — сверхпрочный шест, на котором укреплена избушка-шар на высоте нескольких метров от земли.

Жильцы этого дома должны быть довольны: благодаря его вращению солнце станет равномерно освещать все восемь квартир.

Скрепер-великан

Самый большой в мире скрепер — землеройную машину — построили в Америке, в штате Техас. Этот великан длиной в 60 метров способен за полторы минуты переместить 350 тонн грунта.

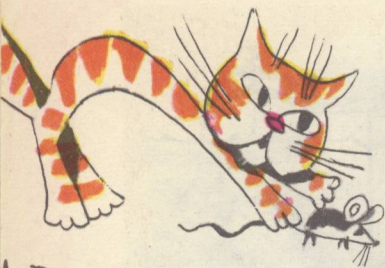
Диаметр шин для колес скрепера превышает три метра, ширина — полтора метра. Шины цельнолитые (бескамерные) с нейлоновым кордом, состоят из 72 слоев, и каждая весит более 3 тонн.

Что украли у лорда

Недавно в Верхней палате английского парламента возникла паника. Ровно в полдень с места стоянки, охраняемой полицейскими, несколько воров похитили автомобиль одного из членов Палаты лордов. Самой ценной добычей воров оказалась рукопись, оставленная владельцем в автомобиле. Она называлась: «Проблемы воровства в Великобритании».

Во всех странах мира школьники пишут сочинения и отвечают у доски. И, конечно, не всегда они пишут и говорят умные вещи, иногда чепуху несут, особенно нерадивые ученики.

Вот этой-то чепухой нерадивых и заинтересовался французский писатель-юморист Жан-Шарль и составил книгу «Ярмарка неучей». Вот несколько отрывков из нее.

* * *

Притяжение Земли открыл Ньютон. Оно всего заметнее осенью, когда падают листья.

Архимед, сидя в ванне, закричал «эврика!», когда нашел свое мыло.

Галилей заставил Землю вертеться, но епископы стали его мучить, чтобы он снова ее остановил.

Пастер изобрел оспу, бешенство и другие болезни. Это — благодетель человечества. Он изобрел еще микробов и выращивал их в бульоне и пастеризованном молоке.

* * *

Корова ест немного, но дважды пережевывает, поэтому ей хватает.

Кошка имеет четыре ноги: две передние, чтобы бегать, и две задние, чтобы тормозить.

Обезьяна — животное, больше всех похоже на человека. Она даже умеет гримасничать.

Еж, жаба и ласточка помогают садовникам есть насекомых.

* * *

Днем Земля вращается вокруг Солнца, а ночью — вокруг Луны.

Жизнь на Луне возможна, потому что там есть свет.

Пустыня — местность, где нет ничего, кроме нефти.

* * *

Закон Архимеда: всякое тело, погруженное в воду и не всплывшее в течение часа, следует считать утонувшим.

Чем менее быстро падает тело, тем более медленна его скорость.

* * *

Витамины — это маленькие насекомые, которые сидят в салате, если его плохо помыть.

Кв. 64

Петя взялся отремонтировать кое-какие домашние приборы. Он довольно быстро разобрал их и снова собрал. Однако у него осталось много лишних деталей, которые он позабыл, куда следует поставить.

Маша нашла у бабушки рецепт блинов-скоропелок: «Пол-литра молока, одно яйцо, шесть столовых ложек муки, ложку сахара, пол чайной ложки соли. Хорошенько размешать яйцо, сахар и соль в молоке, разболтать с мукой и печь на сковороде».

Подойдя к кухонному столу, Маша растерялась: какая утварь ей потребуется для стряпни?

Кв. 64

Ответы на вопросы, помещенные в «Костре» № 12

1. На выкройке лишние детали — рукава и воротник.
2. Федя перепутал количество соли и сахара.
3. Правильная схема:

Тем временем Алеша нарисовал по памяти копию со своей любимой картины из Русского музея. При этом он забыл что-то изобразить. Сейчас он думает: что именно? Кто из вас отважится помочь ребятам!

Внимани! ТУРНИР! Внимани!

ЖДУТ УЧАСТНИКОВ НАГРАДЫ И СПОРТИВНЫЕ РАЗРЯДЫ

Главкомандующий Армией Рыцарей Черно-Белых Клеток объявляет рыцарский турнир 1971 года!

Участники будут исполнять приказы шахмат-адмирала Ферзьбери. А после десяти туров победители получат награду и спортивный разряд: за 100 очков — четвертый, за 120 — третий, за 145 — второй.

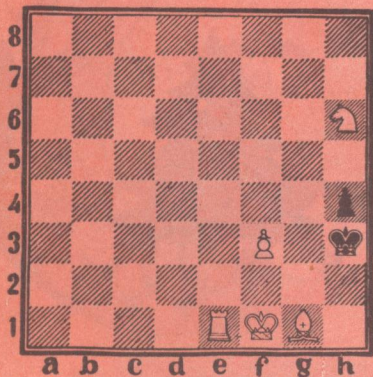
Сразиться в турнире может каждый рыцарь! А кто еще не рыцарь, тот пусть срочно напишет шахмат-адмиралу просьбу о приеме в АРЧЕБЕК.

Принимаются и неумеющие играть — в отряд рыцарят.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Сегодня выступают со своими задачами Саша Салов (Няндомма) — белые: Крf8, Фс8, Лh5, Са6, п.f7; черные: Кре6, пп. d5, d6, d7, e5, e7, f6; Володя Резцов (Тула) — (см. диаграмму № 1), Миша Тимошков (Рудня) — белые:

№ 1

Крс6, Сg8, Кh5, пп.с3, f3; черные: Кре5, пп.е7, f4, f5, f6.

«У меня мат в 2 хода!» — сказал Саша. «У меня — в 3!» — сообщил Володя. «А у меня — в 4!» — заявил Миша.

Так уверяют эти доблестные рыцари. Они готовы спорить! Кто с ними согласен? Кто против?

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

В Москве при Центральном Совете спортивного общества «Труд» открыта «Школа шахматного совершенствования». С ее директо-

АРЧЕБЕК

ром, заслуженным тренером СССР Г. А. Гольдбергом, встретился шахмат-адмирал Ферзьбери...

— Кого принимают в вашу школу?

— Наиболее способных и трудолюбивых юных шахматистов в возрасте от 11 до 18 лет, имеющих первый или второй спортивный разряд и направление в нашу школу.

— Кто с ними занимается?

— Занятия ведут три гроссмейстера — Михаил Ботвинник, Виктор Корчной, Леонид Шамкович

— Занятия очные?

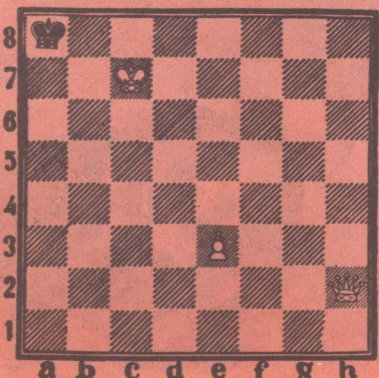
— Нет. Заочные, по индивидуальным планам. Но раз в три месяца юные шахматисты вызываются и приезжают на неделю в школу, где докладывают о выполненных заданиях и получают новые.

— Велики ли успехи учеников вашей школы?

— Судите сами: многие уже стали мастерами спорта, а Анатолий Карпов — чемпионом мира среди юношей и гроссмейстером!

— Вы сказали, что для поступления в вашу школу необходимо направление. Можно ли будет выдать его наиболее отличившимся победителям соревнований в АРЧЕБЕКЕ в 1971 году?

№ 2

— Да, конечно! Десять лучших арчебековцев мы зачислим кандидатами и вызовем в Москву для собеседования и окончательного решения о приеме в школу. Желаю вашим рыцарям успеха!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Боевое задание рыцарям — узнать названия и ходы фигур, а также — что такое шах, мат, пат.

А теперь см. диаграмму № 2.

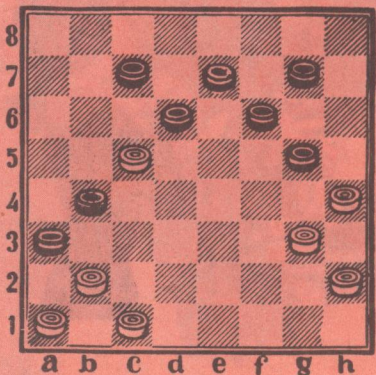
Каким ходом белые могут объявить шах? Каким — мат? После какого хода получается пат?

СТОЛ НАХОДОК

Последние находки присланы шашистами. Из Южно-Сахалинска — две позиции Сережи Ковалева. Первая — белые: a3, e5, e5, g5, h4; черные: a5, b8, c7, e3, h6. Вторая — белые: d2, f4, g3, g5, h4, h6; черные: b4, b6, d4, d6, e5, e7, f8. Из Ташкента — позиция Бори Страумала (см. диаграмму № 3).

Везде белые проводят выигрышающую комбинацию.

№ 3

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — побывать в «Уголке заядлых спорщиков».

§ 2. Шашистам — посетить «Стол находок».

§ 3. Рыцарям — выполнить свое боевое задание.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 апреля. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз. Поправки и дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ШКОЛА БЕЗ ПАРТ ПРИГЛАШАЕТ НА СТАРТ

Седьмой год на одной из страниц нашего журнала каждый месяц появляется эмблема школы «Спринт». Эта школа открыта для всех читателей «Костра». В ней ребята учатся бегать.

А разве каждый из вас не умеет бегать? Безусловно, умеет. Но одно — бежать, переваливаясь с ноги на ногу, спотыкаясь, и совсем другое — мчаться стремительно и красиво, как бегают знаменитые чемпионы и рекордсмены.

Спринт — это бег на короткие дистанции, где атлет развивает наивысшую скорость. Без спринта трудно рассчитывать на успех в других видах спорта. Навыки, полученные в нашей школе, помогут тебе в любом деле. Как хорошо, когда человек выполняет все быстро, сноровисто, с огоньком.

Наша школа — заочная. Ее ученики занимаются самостоятельно, пользуясь советами и рекомендациями, которые напечатаны в «Костре».

Сейчас на дворе снег. Но занятия в нашей школе не прекращаются. Юные спринтеры разучивают специальные комплексы упражнений и проводят тренировки на свежем воздухе. Ведь чтобы выполнить нормативы спортивных разрядов, надо заниматься регулярно, круглый год.

Записаться в нашу школу может каждый. Достаточно послать заявление в редакцию журнала, сообщив имя, фамилию, возраст и домашний адрес.

МОРОЗ—НЕ ПОМЕХА

Юные спринтеры не прекращают заниматься спортом и в зимние месяцы. Как одеваться зимой для тренировки на улице? В меховом пальто, полушубке, ватных штанах, валенках заниматься, конечно, практически невозможно. Такую одежду следует надевать лишь во время продолжительных пешеходных и лыжных прогулок.

Бегать и выполнять всевозможные упражнения зимой лучше всего в лыжном костюме и теплом белье. Достаточно тепло будет и в свитере с надетой поверх курткой из водонепроницаемой ткани, а также шерстяных конькобежных трико или рейтузах. При низкой температуре, если трикотажный костюм недостаточно теплый, следует надеть две рубашки и двое спортивных брюк.

Ноги во время зимней тренировки должны быть всегда в тепле, поэтому лучше всего надевать шерстяные носки, а в тапочки подложить войлочную стельку. В такой обуви можно бегать по снегу. Не забывайте надевать варежки. На голове обязательно должна быть шапочка — лучше всего вязаная шерстяная.

Вот и вся спортивная форма для зимних занятий спринтера. Неплохо, правда, еще иметь шиповки с короткими шипами для бега по хорошо утрамбованной снежной дорожке.

Н. Максимов, мастер спорта

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу съезду два новогодних интервью . . . гравюры В. Ветрогонского . . .	1
Ленька-садовник повесть Алексея Леонова рисунки Т. Капустиной	3
Ноты для НОТ очерк Л. Эфроса фото Б. Уткина	25
Самим увидеть, самим услышать, самим найти рассказывает С. Рубанов рисунок Н. Кустова	31
Страна Поэзия Сергей Наровчатов гравюры В. Бендигера	36
Я — инспектор манежа повесть Р. Балановского рисунки Ю. Шабанова	38
Хочу, чтоб ты это знал! очерк Ю. Голубенского рисунок А. Орлова	48
Морская газета оформление Р. Попова	50
Пионерские маневры «Океан-2»	52
Три всадника стихи К. Эзизова рисунок Т. Ксенофонтова	53
О народе и для народа заметка И. Мямлина	54
Уголёк рисунки Т. Васильевой, И. Казаковой	55
Спорт или балет? статья А. Лосева фото Н. Науменкова	57
Вот так штука! оформление А. Януса	60
Уголок веселого архивариуса	62
Квартира 64 головоломки	63
Арчбек	64

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барينو́ва, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская
Рукописи и фотографии не возвращаются

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-48197.

Подписано к печати 26/ХІ 1970 г.

Формат 60×90%. Печ. л. 4.

8,8 уч.-изд. л.

Тираж 600000 экз.

Заказ № 3740.

Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Художник Михаил Самуилович Беломлинский — частый гость на страницах «Костра».

С одинаковым удовольствием он иллюстрирует крохотную заметку Веселого архивариуса и большую приключенче-

скую повесть. И все у него получается весело и интересно.

М. Беломлинский рисовал картинки ко многим книгам для детей. В этом месяце его рисунки — на выставке «Костра».